

A vertical rectangular image showing a dark, snowy night scene. In the background, a silhouette of a house with a chimney is visible. Several windows and the chimney are illuminated from within, casting a warm, orange-yellow glow. The foreground is filled with falling snow and snow-covered evergreen branches, creating a soft, hazy atmosphere.

Рыжая зима

The.Feer

The.Feer The.Feer

Рыжая зима

<https://litres.ru/74604549>

SelfPub; 2026

Аннотация

В лесу выпал первый снег, и лисёнок, который всегда придумывает худшее, готовится к самому тёплому Новому году в своей жизни. Ёлка, пряники, тайные подарки, а потом день рождения Ретривера, которому он давно хочет сказать самое важное. Но сразу после праздника ручей замирает, на окнах появляются странные ледяные узоры, и кто-то смотрит на огоньки поляны из темноты...

Содержание

О первом снеге и о том, что радость и страх часто приходят вместе	5
О ёлке, которую каждый хотел по-своему	9
О подарке	13
О кухне, где всё пошло не так	16
О жребии и о том, что гадать за других не нужно	20
О гирляндах	24
О последнем дне года	28
О столе, за которым всем хватило места	32
О змеях, которые оказались гирляндами	37
О полуночи на холме и о желании	42
О первом утре года	46
О настольной игре, в которой никто не выиграл	51
О той, кто смотрела на чужие огоньки	57
О той, кто думала долго и всё-таки пошла	61
О плёде, который не взяли	65
О лисе, которая вырастила ёлку из льда	68
О том, что нельзя молчать	73
О тайне	77
О письме	81
О льде, по которому оказалось весело кататься	85
О санной гонке	90
О дороге, которая оказалась длинной	94

The.Feer

Рыжая зима

О первом снеге и о том, что радость и страх часто приходят вместе

В тот год снег пришёл ночью, тихо, никого не предупредив. В этом лесу снег вообще был редким гостем: зимы здесь стояли мягкие, больше похожие на затянувшуюся осень, и если уж что-то падало с неба в декабре, то это был робкий дождик, да и тот быстро уставал. Поэтому, когда лисёнок проснулся и не сразу понял, что с миром что-то не так, он просто лежал и слушал.

Уши у лисёнка слышали всё, и в то утро они слышали новый звук. Очень тихий, ни на что не похожий. Будто кто-то далеко-далеко сыплет сахар на бумагу. Он вышел на крыльцо и замер.

Лес стал белым. Не весь сразу, а как будто его кто-то аккуратно присыпал мукой: ветки старого дуба, крышу домика, перила крыльца, даже кончик собственного хвоста. С неба спускались снежинки - медленные, неторопливые, каждая сама по себе. Лисёнок поймал одну на нос. Она щекотно рас-

таяла.

- Снег, - сказал лисёнок вслух, просто чтобы проверить, что это правда.

К ручью он бежал почти вприпрыжку, и лапы оставляли в снегу ровные маленькие следы. Он оглядывался на них и улыбался. Следы были похожи на строчки письма, которое он писал лесу.

Ретривер уже сидела на большом камне у воды. На золотой шерсти поблёскивали снежинки, и она не стряхивала их, будто они ей шли. Рядом стояли две чашки, из которых поднимался пар.

- Я знала, что ты прибежишь первым, - сказала ретривер.
- Ты слышал, как он падает?

- Слышал, - сказал лисёнок и сел рядом. - Он шуршит.
- Правда? А я не услышала. Расскажешь потом, как он звучит?

Она всегда так делала: превращала то, что слышит лисёнок, из странности в подарок.

Они пили чай и смотрели, как снег ложится на воду и тает. Потом ретривер сказала, будто между делом:

- Скоро Новый год.
- Скоро, - согласился лисёнок.
- Давай устроим настоящий праздник? Со всеми. С ёлкой, гирляндами, подарками. Чтобы весь лес пах хвоей и мандаринами. Мы ещё ни разу не встречали его все вместе по-настоящему.

Лисёнок хотел ответить «да, конечно!» - и ответил. Но вместе с этим «да» внутри у него поднялось ещё кое-что. Сначала маленькое, как снежинка. Потом побольше.

А если ёлка упадёт? А если подарки не понравятся? А если кот скажет, что это глупая затея, и все расстроятся? А если дворняжка потеряет гирлянду, а корги обидится, а он сам скажет что-нибудь не то, как это с ним часто бывает? Он замолчал. Уши незаметно прижались к голове.

Ретривер посмотрела на него внимательно.

- Ты улыбаешься, - сказала она. - А уши прижал.

Лисёнок попытался поднять уши, но они не слушались.

- Мне радостно, - признался он. - И страшно. Одновременно. Так бывает?

- Так бывает почти всегда, когда что-то по-настоящему важно, - сказала ретривер. - Знаешь, я тоже немного боюсь. Вдруг получится не так красиво, как я придумала.

- Ты? - удивился лисёнок. Он не мог поверить, что ретривер, которая всегда знала, как лучше, тоже может бояться.

- Конечно. - Она улыбнулась. - Но если боишься и всё равно делаешь, это уже не просто страх. Это волнение. Оно щекочет, а не давит.

Лисёнок прислушался к себе. Страх никуда не делся, но рядом с ним поместилась радость, и, как ни странно, они не толкались.

- Волнение, - повторил он. - Ладно. Это слово мне нравится больше.

Они пошли по свежему снегу собирать остальных. Плечо ретривера иногда касалось его плеча, и лисёнок делал вид, что не замечает этого, хотя замечал каждый раз.

Кот сидел у окна, завернувшись в плед, и выслушал новость с таким лицом, будто ему предложили искупаться в проруби.

- Холодно, - сказал он. - Ёлки колются. Гирлянды путаются. Всё это затянется на месяц, и мы все устанем.

Но пока он это говорил, его лапа уже тянулась к верхней полке, где стояла коробка с серебряной мишурой. Кот достал её, посмотрел и очень спокойно поставил на стол.

- Просто проверяю, не отсырела, - сказал он.

Корги, услышав слово «праздник», три раза обежала поляну по кругу и зарылась в сугроб с головой, откуда ещё долго доносилось радостное: «Мы будем печь! Мы будем украшать! Мы будем!..» А дворняжка закричала «Ура!» так громко, что с дуба сорвалась целая шапка снега и аккуратно легла коту на голову.

- Я это предвидел, - сказал кот, отряхиваясь. Но уголок его рта чуть дрогнул.

Вечером лисёнок сидел у окна и смотрел, как за стеклом кружится снег. Ему по-прежнему было радостно и немножко страшно. Но теперь он знал, что это не два разных чувства, а одно, у которого просто две половинки.

Радость и тревога часто приходят вместе, и в этом нет ничего плохого.

О ёлке, которую каждый хотел по-своему

Утром пятеро собрались на поляне. Снег за ночь лёг ещё плотнее, и поляна была похожа на огромную белую скатерть, которую кто-то расстелил для пира.

- Ёлка, - объявила ретривер, - самое главное. Без ёлки не бывает Нового года. Но рубить мы ничего не будем. Выберем живую и нарядим прямо на месте. Пусть стоит и радуется вместе с нами.

- Правильно, - сказала корги. - Живая лучше.

- Я знаю, какая нужна! - Дворняжка подпрыгнула так высоко, что снег с её хвоста долетел до кота. - Самая большая! Такая, чтобы верхушка уходила в облака! Чтобы звезда сияла на весь лес!

- Чтобы всё это рухнуло нам на головы, - сказал кот. - Нужна небольшая. Аккуратная. С мягкими иголками, чтобы не колола.

- Маленькая?! - ужаснулась дворняжка. - Это не ёлка, это ёлочка!

- Мне нужна пушистая, - вмешалась корги. - Чтобы вокруг неё можно было бегать кругами, а пахла она лесом!

И они пошли выбирать. Дворняжка тянула всех к самой высокой ёлке в лесу, которая стояла так далеко, что к ней

пришлось бы идти до обеда. Кот останавливался у самой скромной и повторял: «Вот. Вот эта нормальная». Корги бегала вокруг каждой и громко принюхивалась, а потом сообщала, что «пахнет, но недостаточно».

Ретривер ни с кем не спорила. Она слушала каждого, кивала, задавала вопросы и, кажется, получала от этого удовольствие. Лисёнок шёл позади всех.

Его уши слышали ёлки. Это была тайна, о которой он никому не рассказывал, потому что не знал, как объяснить. Каждая ёлка звучала по-своему. Высокая гудела низко и скрипуче, как старый дедушка, который встаёт с кресла. Маленькая звенела тоненько, как иголка по стеклу. А пушистая шептала что-то неразборчивое и мягкое.

Лисёнок хотел сказать: «Давайте выберем ту, которая понравится всем». Но слова застряли где-то на полпути. Вдруг скажут, что это глупо? Вдруг не согласятся? Вдруг они вообще не любят, когда он вмешивается?

Ретривер остановилась и обернулась.

- Лисёнок, - сказала она, - а ты что думаешь?

Все посмотрели на него. Он попытался спрятаться за собственными ушами, но уши, как назло, были слишком заметными.

- Я... слушал, - сказал он. - Ёлки по-разному звучат. Есть одна, на краю поляны. Не самая большая и не самая маленькая. Она шуршит тихо-тихо, как будто напевает.

- Напевает? - переспросила дворняжка.

- Пойдёмте посмотрим, - сказала ретривер.

Ёлка стояла на самом краю поляны, там, где лес выходил на открытое место. Она была выше кота ровно вдвое, заметно ниже облаков, а хвоя у неё была густая, мягкая, такая, что хотелось прижаться щекой. Ветер качнул ветки, и она негромко, ласково запела.

- Пушистая, - сказала корги и обежала её три раза. - И пахнет! Ещё как пахнет!

- Мягкая, - признал кот, осторожно потрогав иголки кончиком лапы. - Не колется.

- Но не до неба, - вздохнула дворняжка.

- Зато, - сказал лисёнок, и сам удивился, что говорит, - звезду на самую верхушку придётся вешать кому-то очень ловкому. Лезть долго, а ветки скользкие от снега.

Дворняжка медленно выпрямилась.

- Это же я, - сказала она. - Я самая ловкая!

- Конечно, - кивнул кот. - Никто с тобой не поспорит. Особенно потому, что никто не хочет лезть.

Дворняжка засияла. Корги пришла в восторг от запаха. Кот перестал хмуриться, хотя и не признался в этом. А ретривер посмотрела на лисёнка и тихо сказала, так, чтобы слышал только он:

- Спасибо, что сказал.

Лисёнок ничего не ответил. Он только почувствовал, как у него потеплели уши.

Потом они все вместе встали вокруг ёлки, и она продол-

жала тихо напевать, будто понимала, что теперь она не просто дерево, а центр праздника.

- Наша, - сказала ретривер.

- Наша, - согласились все пятеро.

У каждого свои желания, и это нормально. Праздник получается не тогда, когда победил самый громкий, а тогда, когда услышали каждого.

О подарке

Игрушек в лесу не продавали, поэтому их делали сами. Через два дня после выбора ёлки поляна превратилась в большую мастерскую. Корги сидела на пне и наматывала нитки на картонные кружки, получались пушистые помпоны. Дворняжка вырезала из бумаги ёжиков, зайцев и ещё что-то, что она называла «очень смелой белкой». Выглядело это скорее как облако с хвостом. Кот красил шишки в серебряный цвет, высунув от старания кончик языка, и при этом делал вид, что вообще ничем не занят.

- Это просто шишки, - отвечал он каждому, кто спрашивал. - Они сами так блестят.

Ретривер ходила от одного к другому, хвалила, подсказывала, подавала то ножницы, то краску, и всё время улыбалась.

Лисёнок тоже делал игрушки вместе со всеми: бумажные снежинки, ровные и аккуратные. Но у него была ещё одна игрушка, о которой никто не знал.

Он начал её вечером, закрыв ставни. Нашёл кусочек светлой дощечки, взял острую щепку и долго вырезал при свече. Получились две маленькие фигурки: одна рыжая, с большими ушами и белым кончиком хвоста, другая золотая, с мягкими висящими ушами и доброй мордой. Они стояли рядом и держались за лапы.

Лисёнок смотрел на них и краснел до самых кончиков ушей. А вдруг ей это покажется глупым? А вдруг неловким? А вдруг...

Но остановиться он уже не мог. Не хватало только красной краски для щёк и ленточки на шею золотой фигурке. Краску, как он знал, можно было получить из ягод рябины. Рябина росла на самом краю леса, и утром лисёнок отправился туда один.

На опушке было тихо. Совсем тихо, даже для зимнего леса. Лисёнок остановился и прислушался, как делал всегда. Ничего. Только снег лениво осыпался с веток. А потом, очень далеко, но всё-таки в лесу, послышался хруст. Будто кто-то ступил на снег лапой и сразу замер, чтобы его не услышали.

Лисёнок повернул уши. Хруста больше не было.

- Кто там? - негромко спросил он.

Никто не ответил.

Он подошёл к рябине. Ягоды краснели среди белых веток, яркие, как огоньки. Лисёнок потянулся к одной из веток и вдруг заметил, что на самой нижней ветке лежит иней. Не обычный снег, а именно иней: тонкий, тонкий, как кружево, с острыми, ровными узорами, словно кто-то нарисовал на ветке крошечные звёзды. А вокруг было мягко и совсем не морозно, и остальные ветки были просто мокрыми. «Странно», - подумал лисёнок.

Он огляделся ещё раз. Лес стоял тихий и пустой. Ветер

качнул ветки, где-то далеко пискнула птица. Наверное, показалось. Или ветер что-то принёс. Он собрал в мешочек несколько ягод и пошёл домой, ни о чём не рассказав. Рассказывать было нечего: мало ли что бывает на опушке.

Дома он размял ягоды, получил красную краску и осторожно подкрасил фигуркам щёки. Золотой повязал на шею тонкую ленточку, которую нашёл в ящике стола. Получилось очень хорошо, даже лучше, чем он рассчитывал.

- Белый кончик хвоста вышел отлично, - сказал кто-то у него за спиной.

Лисёнок подпрыгнул и чуть не уронил фигурку. В дверях стоял кот. Он, как всегда, вошёл без стука.

- Ты... - начал лисёнок, пряча игрушку за спину.

- Я ничего не видел, - спокойно сказал кот. - А если бы видел, то никому бы не сказал.

Он прошёл к окну и сел, глядя на заснеженный двор. Лисёнок осторожно вытащил игрушку из-за спины.

- Ты думаешь, ей понравится?

Кот посмотрел на две фигурки. Потом на лисёнка.

- Это не подарок, - сказал он. - Это письмо. Ей понравится.

И больше ничего не добавил, потому что всё уже сказал.

Подарок, сделанный своими лапами, дороже самого красивого, купленного в лавке. В него вкладывают не вещь, а время и мысли о том, для кого он предназначен.

О кухне, где всё пошло не так

За неделю до Нового года корги объявила, что пора печь пряники.

- Много, - сказала она. - Так много, чтобы хватило на весь лес и ещё осталось.

Кухня в домике корги была самой большой из всех, и в то утро в ней собрались сразу четверо: сама корги, дворняжка, ретривер и лисёнок. Кот сказал, что у него дела на пригорке, хотя по лицу было понятно, что дела у него одни: подальше от муки.

Корги нашла в старой книжке рецепт, разложила на столе миски и ложки и велела каждому встать на своё место.

- Дворняжка отвечает за яйца, - сказала она. - Ретривер за тесто. Лисёнок за формочки. А я за всё остальное.

Первые десять минут всё шло замечательно. Ретривер замешивала тесто так ровно и спокойно, что хотелось просто стоять и смотреть. Лисёнок раскладывал формочки: звёздочки, ёлочки, сердечки и одну странную, которая получалась то ли зайцем, то ли грибом. Корги командовала. А дворняжка с яйцами...

Первое яйцо она разбила в миску. Второе мимо миски. Третье подбросила, чтобы поймать, как это делают в цирке, и поймала. Четвёртое подбросила и не поймала. Оно красиво взлетело, ударилось о потолок и размазалось над головой

корги.

- Дворняжка! - закричала корги.

- Это было красиво! - виновато сказала дворняжка. - Ты видела, как оно летело?

Ретривер засмеялась. Корги тоже не выдержала и тоже засмеялась.

Потом дворняжка решила помочь с мукой и чихнула прямо в мешок. Белое облако поднялось к потолку, а когда осело, все четверо были белыми, как снеговики. Только глаза чернели да нос дворняжки торчал сквозь белую шапку.

- Мы похожи на привидения, - сказал лисёнок.

- На очень вкусных привидений, - сказала дворняжка.

Первая партия пряников подгорела. Корги забыла о ней, пока ловила дворняжку, а когда вспомнила, пряники уже стали коричневыми, как кора. Вторая партия вышла бледной и не поднялась вообще. Третья наконец получилась, но половина звёздочек слиплась в одну большую звезду.

- Всё испорчено, - сказала корги и села на пол. Она выглядела так расстроено, что у лисёнка кольнуло в груди. - Я хотела, чтобы всё было идеально.

Лисёнок вдруг понял, что стоит с глазами на мокром месте: ему тоже казалось, что всё пропало. Но он посмотрел на ретривера, которая с белой мукой на кончике носа смотрела на подгоревшие пряники без всякого огорчения.

- Знаешь, - сказала она, - этот похож на медведя.

Она подняла самый тёмный пряник, и правда, он был по-

хож на косолапого медведя, который долго шёл по лесу.

- А этот на гору, - подхватил лисёнок, взяв пряник побольше.

- А этот на дворняжку после чиха, - сказала корги, постепенно улыбаясь.

И они стали разглядывать подгоревшие пряники по одному, придумывая каждому имя и историю. «Медведь, который не выпался». «Гора, где живёт дракон». «Облако, которое забыло, что оно облако».

Кот всё-таки заглянул на кухню, когда почуял запах. Он осмотрел белых зверей, груды пряников и пол, на котором ещё блестели остатки яйца.

- Я ничего не пил и не ел, - предупредил он. - Но если кому-то нужна глазурь, я умею.

Глазурь у кота получилась идеальной: гладкой, блестящей и такой белой, что рядом с ней мука казалась серой. Лисёнок взял тонкую кисточку и стал рисовать на пряниках узоры. Снежинки, звёздочки, маленькие ёлочки. Лапы у него были осторожные и точные. Он сам удивился, как здорово выходит: подгоревший медведь вдруг получил белую шубку, а гора обзавелась шапкой из снега.

Когда пряники остыли, пятеро сели за стол. Сначала съели самые некрасивые. Они оказались самыми вкусными: чуть-чуть с горчинкой, как настоящая зима.

- Я думала, что хорошо только то, что идеально, - призналась корги, облизывая глазурь с лапы. - А оказалось, нужно

просто, чтобы было с кем.

Не всё должно быть идеальным, чтобы быть вкусным, красивым и дорогим.

О жребии и о том, что гадать за других не нужно

Идея пришла к Корги вечером, когда все устали, объелись пряников и просто сидели на поляне, глядя на ёлку, увешанную игрушками.

- Давайте дарить друг другу подарки по жребию, - предложила она. - Каждый вытянет бумажку с именем и придумает подарок именно для этого зверя. Только тайно. Тот, кому достанется подарок, не должен знать, от кого.

- Тайна! - завизжала дворняжка и сразу прикрыла рот лапой. - Простите. Я больше не буду. Я буду тихая, как мышь.

Ретривер написала на пяти листочках пять имён, сложила их в шапку и перемешала. Лисёнок вытянул свой листок последним и осторожно развернул. На бумажке было написано: «Кот».

Он перечитал надпись два раза. Потом подумал: «Конечно. Кот. Хорошо». Но где-то глубоко в груди что-то неприятно сжалось. Потому что в тайне, в самой глубине души, он надеялся, что вытянет ретривера. И теперь не вытянул. А кто тогда вытянул её?

Он стал украдкой смотреть на остальных. Корги сжимала в лапах листок и таинственно улыбалась. Дворняжка то хихикала, то прятала глаза. Кот с каменным лицом изучал свой

листок, будто там было написано что-то очень скучное.

«Наверное, дворняжка, - подумал лисёнок. - У неё всегда столько идей. Она придумает что-нибудь такое весёлое, что ретривер будет смеяться целый день. А я... что я смогу? Деревянные фигурки?»

Мысли побежали вперёд. «Может быть, подарки у всех будут лучше моего. Может быть, кот привык получать тонкие, умные вещи, а я придумаю глупость. Может быть, я вообще, как обычно, всё испорчу».

Он не заметил, как расстроился совсем. Сидел, подперев голову лапой, и смотрел на огоньки гирлянды, которые стали вдруг тусклыми.

К нему подседа дворняжка. Она вертелась на месте, как будто под ней были горячие угли.

- Лисёнок, - зашептала она, оглядываясь. - Я не могу. Я должна кому-то рассказать, а то лопну. Ты мне друг?

- Друг, - сказал лисёнок.

- Мне достался ретривер! - выпалила дворняжка шёпотом, который слышали, наверное, все птицы в лесу. - И я не знаю, что ей подарить! Она такая... замечательная! Она всё всем дарит, а что подарить ей? У неё же есть всё! Я боюсь, что подарю глупость и она расстроится, и я вообще лучше не буду дарить, а убегу в лес!

Лисёнок посмотрел на дворняжку. Глаза у неё были круглые и совсем не весёлые. Она тоже боялась. Так же, как он сам. Просто по-другому: не молча, а очень громко.

И вдруг лисёнок почувствовал, что холодок в груди отступил. Потому что, оказывается, тревожно было не ему одному. А ещё потому, что он понял странную вещь: он рад за ретривера. Рад, что у неё будет подарок от дворняжки, самой искренней и самой щедрой на свете.

- Не убегай, - сказал он. - Ты не подаришь глупость. Подари то, от чего тебе самой будет радостно.

- Мне радостно от всего! - всхлипнула дворняжка.

- Вот и подари что-нибудь такое, - сказал лисёнок. - Ретривер любит, когда ты смеёшься. Она сама так говорила.

Дворняжка задумалась. Потом широко раскрыла глаза, как будто ей в голову влетела идея, и умчалась в темноту, оставив на снегу цепочку радостных следов.

Лисёнок остался один. Он сидел и думал, что только что произошло что-то удивительное. Ещё утром он бы терзался из-за бумажки с чужим именем. А сейчас сидел и радовался, что дворняжка нашла свою идею. Лучше ведь радоваться за других, чем гадать, что у них лучше.

Через минуту рядом села ретривер. Она посмотрела на ёлку, потом на него.

- У тебя глаза светятся, - сказала она. - Ты что-то придумал?

- Я подарок коту придумываю, - сказал лисёнок, и это была правда. - Только пока не знаю какой.

- Он любит тишину и тех, кто умеет молчать, - сказала ретривер негромко. - Мне так кажется.

- Спасибо, - сказал лисёнок. - Я подумаю.

Он помолчал немного и всё-таки спросил, осторожно, чтобы не испугаться собственного вопроса:

- А ты... кому-нибудь уже придумала?

Ретривер посмотрела на него долгим внимательным взглядом. Уголки её губ дрогнули, будто она хотела улыбнуться, но решила подождать.

- Придумала, - сказала она. - Это секрет.

Больше она ничего не сказала. Но лисёнок почему-то знал, что секрет этот был хорошим.

Лучше порадоваться за других, а если тревожно, спросить. Тревожно бывает не только тебе.

О гирляндах

Гирлянд оказалось слишком много. Кот нашёл их на чердаке в трёх коробках, и каждая была запутана так, будто её нарочно завязывали в узлы. Целый вечер пятеро сидели на поляне, распутывали провода и спорили, где какой конец. К ночи удалось размотать только две коробки, а третью дворняжка торжественно объявила «гирляндой с характером» и отложила в сторону.

- Развесим завтра, - зевнула корги.

- Завтра будет некогда, - сказал кот. - Завтра пряники, стол и сто остальных дел. Или сегодня, или никогда.

- Тогда сегодня, - сказала ретривер. - Но не все сразу. Корги и дворняжка уже падают с лап, кот просто хочет спать, хотя не признаётся. Лисёнок, пойдём со мной? Мы повесим вдоль тропинки до ручья, а остальное оставим на утро.

Лисёнок не сразу понял, что она сказала. Потом понял и почувствовал, как у него дёрнулся кончик хвоста.

- Пойдём, - сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Остальные разошлись по домам. Ночь стояла тёплая, как бывает перед снегопадом, и тихая, как бывает только в лесу. Луны не было, но снег сам светился слабым серебристым светом, и в этом свете каждая веточка казалась нарисованной тонким карандашом.

Ретривер несла гирлянду, перекинув её через плечо, как

шарф. Лисёнок нёс лестницу, которую ему вручил кот, предупредив: «Не урони. Она старая».

На первой же ёлке они остановились.

- Мне не достать, - сказала ретривер, посмотрев вверх. - Ты залезешь?

Лисёнок полез. Он любил лазать по веткам: лапы у него были цепкие, а хвост помогал держать равновесие. Он зацепил гирлянду за верхнюю ветку и вдруг понял, что внизу стало очень тихо. Он посмотрел вниз. Ретривер стояла, задрала голову, и глядела на него так, будто он делал что-то особенное.

- Ты как белка! - сказала она. - Только красивее.

Лисёнок чуть не сорвался с ветки.

Дальше они вешали вместе. Ретривер подавала гирлянду, лисёнок крепил, потом спрыгивал и переносил лестницу. Они почти не разговаривали. Это было то самое молчание, которое не нужно заполнять словами: оно просто лежало между ними, мягкое и тёплое, как плед.

Когда они дошли до поворота у ручья, гирлянда на всей тропинке уже мерцала. Тёплые жёлтые огоньки висели на ветках, а вдаль светилась ёлка на поляне. Ретривер остановилась и выдохнула, и лисёнок увидел, как облачко пара дрожит в воздухе перед её мордой.

- Красиво, - сказала она тихо.

- Красиво, - согласился лисёнок. - Только ты не замёрзла? У тебя нос красный.

- Немного, - призналась ретривер.

Лисёнок размотал с шеи свой шарф и, прежде чем успел подумать, накинул его ей на плечи. Шарф был рыжий и пах им самим: хвоей, чаем и немножко дымом из трубы. Ретривер не сказала ни слова. Она только плотнее завернулась в шарф и посмотрела на него так, что у лисёнка заколотилось сердце.

- Теперь замёрзнешь ты, - сказала она.

- С тобой не замерзну!

Он сказал это и тут же отвернулся, потому что понял, что сказал лишнее. Но ретривер вместо того, чтобы засмеяться, подошла и стала рядом, плечом к плечу. Тепло от неё шло ровное и спокойное, и лисёнок почувствовал, что уши, которые весь вечер были прижаты, тихо поднимаются.

Они стояли так долго, глядя на огоньки. Потом лисёнок вдруг услышал что-то странное.

Где-то далеко, у самой границы леса, раздался звук. Очень тихий, на грани слышимого. Не хруст и не шорох, а скорее вздох. Будто кто-то выдохнул так, как выдыхают, когда долго стоят на одном месте и не решаются подойти.

Он повернул ухо. И увидел, что на краю леса, там, где деревья редели и начиналась пустошь, мерцает ещё один огонёк. Совсем тусклый, голубоватый, не похожий на тёплые жёлтые гирлянды. Он дрожал на самом краю видимости, как звезда, которая упала слишком низко.

- Ты слышала? - спросил лисёнок. - Вон там, смотри.

Ретривер посмотрела в ту сторону.

- Где?

- Там, за деревьями. Голубой огонёк.

- Это, наверное, отражение, - сказала ретривер. - Снег так блестит. Я тоже иногда вижу странные огоньки, когда долго смотрю на гирлянды.

Лисёнок моргнул. Огонёк пропал.

- Наверное, - сказал он.

Но уши он повернул в ту сторону ещё раз и ещё долго слушал. Лес молчал.

Они вернулись к домикам поздно, когда гирлянда уже давно отсияла своё. У крыльца ретривер сняла шарф, но не отдала, а задержала в лапах.

- Можно я его оставлю до завтра? Он тёплый.

- Конечно можно, - сказал лисёнок, потому что у него не нашлось других слов. - Можно и насовсем.

Ночью он долго лежал и смотрел в потолок. Плечо, к которому она прижималась, до сих пор казалось тёплым. Он думал, что рядом с ней даже тёмный лес светится. Про голубой огонёк, который исчез, он почти забыл.

Рядом с тем, кто нам дорог, даже самая тёмная ночь светится.

О последнем дне года

Тридцать первое декабря началось с грохота.

Лисёнок проснулся от того, что что-то огромное и звонкое упало на поляне. Потом послышался крик дворняжки: «Я не виновата! Оно само!» Потом чьё-то громкое «Ох» и тишина. Лисёнок выскочил на крыльцо без шарфа, который остался у ретривера, и помчался на шум.

На поляне, возле ёлки, на снегу лежала звезда. Та самая, которую они вчера вечером с трудом приладили на верхушку. Золотая, из жести, с пятью острыми лучами. Один луч отломился и лежал рядом. Дворняжка сидела тут же, вся в снегу, и выглядела так, будто сейчас расплачется.

- Я только хотела поправить, - шептала она. - Она кривовато висела. Я залезла, потянулась, а она... оно... Я не нарочно!

- Никто не говорит, что нарочно, - сказал кот, подходя. Он держал звезду в лапах и осторожно разглядывал поломку. Лицо у него было спокойное, но хвост нервно дёргался. - Звезда сломана. Через девять часов праздник. У нас нет другой звезды.

- У нас всё сломается, - сказала корги, прибежав следом. Она заламывала лапы. - Я знала. Я чувствовала. Пряники не те, ёлка кривая, а теперь ещё и звезда!

- Корги, дыши, - сказала ретривер, появившись с другой

стороны поляны. Она была в рыжем шарфе лисёнка и несла корзину с мандаринами.

Но корги уже вошла во вкус.

- И стол не накрыт! И скатерть не выглажена! И кто-то съел половину сыра, я точно помню, что его было больше!

- Это я, - тихо сказал кот.

- КОТ!

Лисёнок стоял и слушал. Уши у него сами собой прижались к голове. Внутри уже поднималось знакомое холодное: «Всё пропало. Всё испортится. Новый год не получится. Они все расстроятся, а я ничего не смогу сделать». Он почти слышал, как этот холод растёт, как мороз по окну.

Но потом он посмотрел на звезду в лапах кота. На отломанный луч. И вдруг понял, что видит не катастрофу, а маленькую, очень понятную поломку.

- Дай, - сказал он. - Я посмотрю.

Кот молча протянул звезду. Лисёнок присел прямо в снег, поднял с земли тонкую проволоку, которая всегда валялась тут, и оглядел излом. Жесть лопнула на сгибе: чистый разлом, без вмятин. Он прикинул, как это можно соединить.

- Мне нужны клей, горячий воск и вот такой тонкий кусочек жести, - сказал он, не поднимая головы. - Или лента. И полчаса тишины.

- Тишины? - переспросила дворняжка.

- Ну, чтобы я мог слушать, как лежит металл, - смутился лисёнок. - Когда прислушиваешься, понятно, где держится.

Никто не стал смеяться. Дворняжка тихонько отошла в сторону и сделала вид, что её нет. Корги притихла. Кот сел рядом и молча подавал нужные вещи: воск, ленту, клей. Ретривер встала за спиной лисёнка и ничего не говорила, только держала мандарины, чтобы они не раскатились.

Лисёнок работал. Он прикладывал лучик к излому, прислушивался, подгонял, снова прислушивался. Тонкая проволока легла внутрь, как шов. Воск закрыл место соединения. Через полчаса, как он и обещал, звезда лежала на снегу целая. Если не присматриваться, шва не было видно. А если присмотреться, то в одном месте на луче блестела тонкая золотая полоска, как шрам.

- Видно, - сказал лисёнок, поднимая звезду. - Но можно покрасить.

- Не надо, - сказала ретривер. - Пусть остаётся. Это звезда, которая падала и поднялась. Она теперь особенная.

Лисёнок посмотрел на неё и ничего не сказал, потому что в горле что-то застряло.

- А кто полезет наверх? - спросила корги.

- Я! — вскочила дворняжка. - Но на этот раз аккуратно! Честное слово! Я теперь знаю, как держаться!

- Знаешь, - сказал кот. - Мы все тебе верим. Только пусть кто-то подстрахует внизу.

И подстраховали все четверо, причём так усердно, что дворняжке, наверное, было даже немножко тесно среди такого количества лап. Звезда заняла своё место на макушке.

Она сверкнула на утреннем солнце, и все хором выдохнули.

Остаток дня прошёл как-то сам собой. Корги досыпала пряники сахарной пудрой, кот восстанавливал сырную тарелку и ворчал на себя. Дворняжка украшала скатерть. Лисёнок вешал остатки гирлянды, и теперь вешал спокойно, без дрожи в лапах.

К вечеру он вдруг понял странную вещь. Всё утро он был уверен, что праздник пропал. Что одна полочка разрушит всё. А на самом деле полочка стала просто одной из историй. Такой, которую потом будут вспоминать: помните, как звезда упала?

- Ты молодец, - сказала ретривер, проходя мимо с мандаринами. Она сказала это просто, между делом, как говорят о погоде. Но лисёнок почувствовал это каждым кончиком шерсти.

Иногда то, что сломалось, после починки становится самым дорогим: ведь у него теперь есть история.

О столе, за которым всем хватило места

К восьми вечера поляна преобразилась. Кот и корги сдвинули вместе три стола, накрыли их белой скатертью, расставили свечи в банках и расстелили вокруг пледы и подушки. Вдоль стола горела гирлянда, над ним переливалась ёлка с починенной звездой, а в воздухе плыл запах корицы, мандаринов и тёплого хлеба.

- Красиво, - выдохнула дворняжка.

- Только не трогай ничего, пока не сядем, - предупредил кот.

- Я и не трогала. Я просто смотрю носом.

Все пятеро нарядились. Корги надела клетчатый жилет, который сама связала. Дворняжка нацепила на хвост красный бант и очень им гордилась. Кот выбрал тёмный шарф, строгий и торжественный, хотя на его месте всякий давно бы потеплел и снял его. Ретривер надела шарф лисёнка: оказалось, что она так и не захотела его отдавать. А лисёнок причесал шерсть, и это стоило ему получаса и всего терпения.

- Тост! - потребовала дворняжка, как только все уселись.

- Кому говорить? - спросил кот.

- Ретриверу! Она придумала праздник!

Ретривер встала, поправила шарф и на секунду растеря-

лась. Лисёнок увидел, что она волнуется, и решил: это тот редкий случай, когда ей тоже страшно.

- Я не мастер говорить, - сказала она. - Но хочу сказать вот что. Я очень рада, что мы здесь. Все пятеро. Что у нас есть ёлка, огоньки, стол, и что звезда на верхушке теперь особенная. Мне кажется, главные праздники не те, где всё красиво, а те, где все рядом. Давайте так и будем.

- Давайте, - сказала корги, и голос её дрогнул.

- За нас, - сказал кот.

- Урааа! - закричала дворняжка и подбросила в воздух мандарин. Мандарин поймала корги, не глядя.

Они ели, смеялись, снова ели. Кот рассказывал историю про то, как в детстве он боялся гирлянд, потому что принял их за светящихся змей. Корги пересказывала сон, в котором пряники разбежались по лесу. Дворняжка всё время перебывала, и всё время к месту. Лисёнок слушал и думал, что давно не чувствовал такой лёгкости. Страхи, которые утром держали его за горло, куда-то ушли, а на их место пришло простое тёплое чувство: хорошо.

Потом пришло время подарков.

Лисёнок вручил коту свою коробочку. Это была маленькая деревянная шкатулка, высланная изнутри мягким серым материалом. Он сделал её сам, вечерами, и подобрал ткань такого цвета, как шерсть кота.

- Это что? - спросил кот, вертя шкатулку в лапах.

- Для тишины, - сказал лисёнок, смутившись. - Ты лю-

бишь, когда тихо. А иногда, наверное, бывает, что снаружи шумно. Тогда можно открыть шкатулку и положить туда немножко шума, а взять немножко тишины. Ну, это не по-настоящему, это просто...

- Я понял, - сказал кот. Он замолчал, и все замолчали тоже. Он держал шкатулку и смотрел на неё. Потом сказал: - Нормально.

Это значило очень много. Лисёнок это знал.

Кот вручил корги свёрток. Внутри лежала тонкая бумажная карта леса, нарисованная от руки, с каждой тропинкой, каждой кочкой и каждым ручьём.

- Тут сто двадцать маршрутов, - сказал он. - Для пробежек. Каждый день можно новый. Я проверял. Некоторые довольно непростые.

Корги расплакалась. Тихо, но очень счастливо, и тут же стала искать на карте самый трудный путь.

Дворняжка, дрожа от нетерпения, вручила ретриверу огромную коробку, перевязанную красной лентой, и так на неё смотрела, будто сама хотела её открыть.

- Это сто сорок записок! - сообщила она, не дожидаясь вопроса. - Смешных! Я вспомнила все наши истории, про каждую написала и положила сюда. Когда тебе грустно, достаёшь одну, читаешь и смеёшься!

Ретривер открыла коробку и достала первую записку. «Помнишь, как кот испугался собственной тени и целый час думал, что это волк?» Она засмеялась так, что чуть не сва-

лилась с подушки.

А потом ретривер вручила дворняжке свой подарок. Это были настоящие санки, выкрашенные в красный цвет, с белой полоской по краю и надписью «Самой быстрой».

- Мы с котом делали, - сказала ретривер. - Он знал, какие нужны материалы.

Дворняжка издала такой звук, который, вероятно, слышали на другом конце леса, и кинулась обниматься.

И только корги достала последний подарок, предназначенный лисёнку. Она подала ему мягкий свёрток, перевязанный простой верёвкой.

Он развернул. Внутри лежала шапка. Рыжая, как осенний лист, с белым кончиком, повторяющим кончик его хвоста. И в нём, ровно в нужных местах, были аккуратно прорезаны два отверстия.

- Для ушей, - сказала корги. - Чтобы им не было тесно. Чтобы слышали всё, что хотят.

Лисёнок молчал. Он держал шапку в лапах и не мог ничего сказать. Потому что никто и никогда не думал о его ушах как о чём-то, что нужно беречь. Все только говорили, что они слишком большие. А корги подумала о том, чтобы им было удобно.

- Спасибо, - сказал он наконец. Голос стал странным и хриплым.

- Не за что, - отмахнулась корги, но глаза у неё блеснули. Стол потихоньку пустел. Догорали свечи. Лисёнок сидел

с шапкой в лапах и смотрел на лица друзей, освещённые огоньками гирлянды. Он думал, что вот оно, то самое. Не звезда и не ёлка, а то, что вокруг. И что места за этим столом хватило каждому, даже ему, с его ушами, тревогами и тихими вечерами.

Лучший подарок за столом, когда все рядом.

О змеях, которые оказались гирляндами

Историю про гирлянды кот рассказывал не в первый раз, но в первый раз до конца.

Это было за столом, когда подарки уже раздали, а все уже наелись, но ещё не разошлись. Дворняжка допивала сок, корги раскладывала по тарелкам последние пряники, и никто не торопился. Кто-то сказал, что на ёлке одна гирлянда мигает слишком быстро, и кот посмотрел на неё долго и странно.

- Я их раньше боялся, - сказал он вдруг.

- Кого? - не поняла корги.

- Гирлянд. В детстве.

Все повернулись к нему. Дворняжка перестала жевать.

- Серьёзно? - спросила она. - Ты? Который всё проверяет и взвешивает?

- Мне было семь лет, - сухо сказал кот. - В семь лет все чего-нибудь боятся.

- А почему гирлянд? - спросил лисёнок.

- Я тогда жил в другом лесу, - начал он. - Маленьком, на краю поля. Зимы там были тёмные, и в канун Нового года в нашем посёлке всегда вешали огни. Лампочки, фонарики, свечи. Но я их не любил. Они мигали. А мигающее, как из-

вестно, непредсказуемо.

- Как известно кому? - вставила дворняжка.

- Мне. Тогда.

Кот помолчал, но никто не засмеялся.

- У меня был друг, - продолжал он. - Белка. Рыжая, шумная, быстрая. Все звали её Шумок, потому что она никогда не молчала. Шумок всё время что-то выдумывала, куда-то тащила меня, во что-то втягивала. А я упирался и ворчал.

- Ты и тогда ворчал? - удивилась корги.

- Всегда, - признал кот. - В тот год Шумок решила, что в канун Нового года мы вместе сделаем невиданную гирлянду. Самую длинную, самую яркую. И повесим её на самой большой сосне в посёлке. Я сказал, что это глупо. Она сказала, что это будет красиво. Я сказал, что провода запутаются. Она сказала, что она распутает.

- И что? - прошептала дворняжка.

- Ночью, накануне праздника, мы пошли на чердак за проводами. Было темно. Мы взяли свечу, но она погасла. Шумок что-то нащупала в углу и дёрнула. Раздался треск, потом сверкнуло, и вдруг из темноты, прямо на меня, поползло что-то длинное, светящееся, шипящее и извивающееся.

Кот сделал паузу.

- Это была гирлянда, - сказал он. - Но я этого не знал. Я решил, что змея. Целая стая змей. Они светились разными цветами и мигали, и каждая норовила обвиться вокруг меня.

- И ты...

- Закричал. - Кот поморщился. - Громко. Не скажу как. Побежал. Налетел на стремянку, на ведро, на бочку. Свалился с чердака, не знаю как. Приземлился в сугроб. И сидел там до утра, пока меня не нашли.

Корги прижала лапы ко рту. Плечи у неё тряслись.

- Не смей смеяться, - сказал кот, но уголок рта у него дёрнулся. - Мне было страшно.

- Прости, - выдохнула корги. - Но ты в сугробе... в семь лет...

- Дальше будет хуже. - Кот вздохнул. - Шумок нашла меня только под утро. Я сидел, весь в снегу, дрожал. Она подошла, села рядом и ничего не сказала. Просто сидела. А потом достала из кармана одну лампочку, маленькую, жёлтую, и положила мне на ладонь.

- Зачем? - спросил лисёнок.

- Чтобы я посмотрел. - Кот поднял глаза. - Она сказала: «Это не змея. Это просто свет. Гляди, он тёплый». Я посмотрел. Лампочка была обычная, тёплая, не шипела и не извивалась. Просто светила.

- И ты перестал бояться? - спросила ретривер.

- Не сразу. - Кот почесал за ухом. - Но Шумок не отстала. Каждый вечер всю зиму приходила ко мне, приносила по одной лампочке и объясняла, как работает каждая. «Вот эта красная, она греется чуть сильнее. Вот эта зелёная, она не мигает, если провод чистый». Объясняла и объясняла, пока я не выучил наизусть. К весне я знал про гирлянды всё, и

они мне стали нравиться.

- Потому что понял, как они устроены? - спросил лисёнок.

- Потому что она сидела рядом, - сказал кот. - Когда боишься, объяснение помогает. Но когда кто-то терпеливо сидит с тобой и объясняет, помогает ещё больше.

За столом стало тихо. Дворняжка смотрела на кота большими глазами. Корги вытирала слёзы, теперь уже не от смеха.

- Что с ней стало? - тихо спросила ретривер.

- Уехала. - Кот пожал плечами. - Через несколько лет. Её семья переселилась за горы.

- Ты пишешь ей?

- Нет.

- Почему?

- Не знаю, что сказать.

Ретривер ничего не ответила. Она встала, обошла стол и положила лапу коту на плечо. Он вздрогнул, но не отстранился.

- Я просто хотел сказать, - произнёс он, откашлявшись, - что бояться гирлянд нормально. И что если сейчас кто-нибудь из вас боится чего-то, этому тоже есть объяснение. Нужно только, чтобы кто-то сидел рядом.

- Я боюсь, что ёлка упадёт, - тут же сказала дворняжка.

- Не упадёт. Я проверил крепления.

- Я боюсь, что пряники закончатся, - призналась корги.

- Не закончатся. Их ещё на неделю.

- Я боюсь... - начал лисёнок и замолчал.

- Что? - спросил кот.

- Что не смогу сказать что-то важное.

Кот посмотрел на него долго и спокойно.

- Сможешь, - сказал он. - Когда придёт время. А я посижу рядом.

Лисёнок кивнул. У него защипало в носу, но он не стал прятаться.

- Теперь чай, - резко сказал кот, как будто испугавшись собственной откровенности. - Пока не остыл.

И все засмеялись, потому что поняли: он сказал больше, чем планировал. А ёлка мигала разноцветными огнями, и ни одна лампочка не шипела.

Страх проходит, когда кто-то терпеливо сидит рядом и объясняет.

О полуночи на холме и о желании

За пятнадцать минут до полуночи ретривер вдруг встала из-за стола и сказала:

- Хочу показать вам место. Тут недалеко. Оттуда видно весь лес.

Они пошли: корги впереди, дворняжка на санках, которые кот тащил, ворча, что «это не его работа». Холм был невысокий, но с него открывался вид, от которого дух захватывало. Внизу лежал лес, мерцающий огоньками гирлянд, а над лесом раскинулось огромное чёрное небо, в котором звёзд было больше, чем снежинок на всех деревьях вместе взятых.

- Ого, - сказала дворняжка и на секунду замолчала. Это случилось впервые за весь вечер.

- Десять секунд! - закричала корги, глядя на старые часы.
- Девять!

- Стой, не считай вслух, - шикнул на неё кот. - Мы все умеем считать.

- Восемь! Семь! - не слушала корги.

Все стали считать вместе. Громко, перебивая друг друга, смеясь и сбиваясь. И когда они досчитали до нуля, над лесом вспыхнуло что-то цветное: это дворняжка бросила в воздух горсть блёсток, которые припасла заранее. Они разлетелись в стороны и повисли в морозном воздухе серебряной пылью.

- С Новым годом! - закричали все пятеро.

Корги бросилась обнимать всех сразу и немножко придушила кота. Дворняжка катилась с горки на санках, визжа от восторга. Кот тихонько улыбался и делал вид, что смотрит на звёзды.

Лисёнок остался стоять на вершине холма. Он смотрел на огни и чувствовал, что сердце у него бьётся очень громко.

Ретривер подошла незаметно и встала рядом.

- Ты загадал желание? - спросила она.

- Нет, - сказал лисёнок. - Ещё нет.

- Почему?

Он помолчал. Желаний у него было много: чтобы у них всегда был этот лес, этот стол, эти огоньки. Но одно желание, главное, было таким, что его и в мыслях-то боязно было произносить. А вдруг загадаешь, а оно не сбудется? И тогда придётся жить с этим? Или вдруг оно сбудется, но ты уже не будешь тем, кем был раньше?

- Страшно, - признался он. - Когда загадываешь самое главное, страшно.

- Я знаю, - сказала ретривер. - Я тоже не загадала.

- Почему?

- Потому что думаю, что желание, которое действительно твоё, лучше не говорить вслух, а просто делать.

Лисёнок посмотрел на неё. Она смотрела на звёзды, но улыбка у неё была такая, будто она знала что-то, чего не знал никто другой.

Он решил. Сунул лапу в карман и вытащил деревянные

фигурки: рыжую и золотую, стоящие рядом, держащиеся за лапы, с красными щеками и ленточкой на шее.

- Это тебе, - сказал он, и голос предательски сорвался. - Не по жребию. Я сам. Просто... так получилось.

Ретривер взяла фигурки. Долго смотрела. Она осторожно провела подушечкой лапы по ленточке, по маленькому белому кончику хвоста у рыжей фигурки, по красным щёчкам. Лисёнок не знал, куда деть глаза, поэтому смотрел на её лапы.

- Ты сам это сделал? - тихо спросила она.

- Да.

- Для меня?

- Да.

Ретривер молчала так долго, что лисёнок успел придумать про себя сто причин, по которым она сейчас вежливо скажет «спасибо» и вернёт подарок. Но она не вернула. Она поставила фигурки на ладонь и поднесла к груди, как что-то хрупкое и очень ценное.

- Я знала, что ты что-то прячешь, - сказала она. - Но я не думала... не думала, что это будет такое.

- Тебе нравится?

- Это самое красивое, что мне дарили, - сказала ретривер. - Потому что здесь мы оба. Вместе. И ты так точно нашёл мой нос. И ленточку.

Она положила лапу поверх его лапы. Просто положила, тёплую и мягкую. И они стояли на холме, и над лесом падали

последние блёстки, и где-то внизу смеялись друзья. Лисёнок вдруг понял, что желание он всё-таки загадал. Не словами, а просто так, внутри: «Пусть так будет всегда».

Больше они ничего не говорили. Не нужно было.

А в это время на дальнем склоне, там, где лес редел и переходил в голую белую пустошь, стояла одинокая фигура. Она смотрела на огни на холме, на тёплые жёлтые гирлянды, на смеющихся зверей. Никто её не замечал. Фигура стояла неподвижно, и из её дыхания в морозном воздухе вырастали крошечные ледяные цветы. Они дрожали, сверкали и опадали на снег.

Фигура постояла ещё немного, потом повернулась и ушла в темноту, не оставив ни звука.

Загадать желание легко. Куда труднее признаться самому себе, чего ты на самом деле хочешь.

О первом утре года

Лисёнок проснулся раньше всех. Было ещё совсем темно, только на востоке чуть розовело небо. Он полежал, слушая, как тихо в лесу после праздника, и подумал: «Новый год. Настоящий. Он уже начался».

И тут ему пришла в голову странная и очень хорошая мысль. Новый год начался с боя часов, это так. Но настоящий новый год должен начаться с чего-то доброго. С маленького поступка, который сделает чей-то день чуть светлее. Пока все спят, можно успеть.

Он вскочил, оделся, намотал на шею новый шарф и пошёл на кухню. Вчерашние пряники лежали на блюде под полотенцем. Лисёнок нашёл четыре бумажных мешочка, положил в каждый по три пряника, по мандарину и по горсти орехов. Потом тихо вышел из дома.

Он обошёл всех по очереди. У корги оставил мешочек на крыльце, чтобы она нашла его, когда выйдет на пробежку по своей новой карте. У дворняжки положил возле санок, которые она, конечно, оставила прямо у входа. У кота поставил на подоконник: тот всегда спал у окна. А последний, пятый, мешочек пошёл к ручью, к дому ретривера.

Лисёнок шёл по тропинке с гирляндами, которые уже потухли, и думал, как хорошо быть первым. Не первым в чём-то важном, а первым, кто решил сделать что-то доброе. Это

было похоже на то, как будто зажигаешь свечку в тёмной комнате.

Он вышел к ручью и остановился.

Ручей молчал.

Раньше он всегда журчал. Даже в самые холодные дни, даже глубокой осенью. Лисёнок привык к его звуку так же, как привыкают к стуку собственного сердца. А теперь стояла тишина. Неправильная, глухая.

Он подошёл ближе и увидел лёд.

Тонкая, прозрачная корка покрывала воду от берега до берега. Она была такой гладкой и ровной, будто её отшлифовали. А на её поверхности расцветали морозные узоры: острые звёзды, тонкие веточки, крошечные папоротники. Точно такие же, какие он видел несколько дней назад на ветке рябины.

Лисёнок присел и осторожно коснулся льда лапой. Холод пробрал до самых костей. Не зимний, не утренний, а какой-то глубокий и чужой.

- Он никогда не замерзал, - сказал кто-то за спиной.

Лисёнок вздрогнул. Позади стояла ретривер, закутанная в плед, с сонными глазами.

- Ты рано, - прошептал он.

- Я слышала, что что-то не так, - сказала ретривер. - Ручей замолчал. Я проснулась от тишины.

Они постояли вдвоём, глядя на лёд.

- Может, это просто мороз, - сказал лисёнок. - Бывает же.

Ночью похолодало, вот он и...

- Может быть, - ответила ретривер. Но голос у неё был задумчивый. - Только вчера было тепло. Почти как весной.

Лисёнок хотел сказать про голубой огонёк на опушке, про иней на рябине, про тихий вздох. Но тут же подумал: что он скажет? «Мне что-то показалось»? «Я слышал странный звук»? Они будут думать, что он опять выдумывает. И он промолчал.

Потом он вспомнил про мешочек и протянул его ретриверу.

- Вот. Я обошёл всех. Просто чтобы... чтобы год начался с чего-то хорошего.

Ретривер взяла мешочек, заглянула внутрь и вдруг улыбнулась, широко и по-настоящему. И лёд с его странными узорами будто стал не таким уж страшным.

- Ты сделал первое доброе дело года, - сказала она. - Знаешь, кто-то говорил, что как встретишь новый год, так его и проведёшь.

- Тогда я хочу провести его хорошо и...

- Проведём, - перебила ретривер. - Вместе.

Они вернулись к домикам. Остальные уже просыпались: корги нашла свой мешочек и завизжала от радости, дворняжка выбежала в одной пижаме и тут же вернулась за шарфом. Кот выглянул в окно, посмотрел на подоконник и ничего не сказал, но мешочек исчез внутрь.

За завтраком, который они устроили все вместе у ретри-

вера, лисёнок рассказал про ручей. Не про огонёк и не про рябину, просто про лёд. Кот нахмурился.

- В конце декабря так иногда бывает, - сказал он, и в голосе не было уверенности. - Резкий перепад. К вечеру растает.

- Конечно, - согласилась корги и потянулась за пряником. Но потом она вдруг застыла и хлопнула себя по лбу.

- Ой! Совсем забыла! До дня рождения ретривера осталось три недели!

Все повернулись к ней. Ретривер удивлённо подняла брови.

- До чего? - переспросила она. - Какого дня рождения?

- Твоего! Двадцать второго января! - воскликнула корги.

- Мы же его каждый год отмечаем. Я уже думала про торт!

- Корги, - шепнул кот.

- Ой. Это был секрет? - Корги прикрыла рот лапой.

- Это было совсем не секретом, - сказала ретривер и засмеялась. - Но спасибо, что напомнила. Я всегда забываю про собственный день рождения.

Лисёнок смотрел на неё и вдруг понял, что тоже почти забыл. Что двадцать второго января у ретривера день рождения. И что до него осталось три недели. И что он хочет сделать для этого дня что-то особенное, лучше, чем когда-либо.

А где-то на дальнем конце леса, у самой пустоши, на кромке между зимой и тёплой частью леса, лёд продолжал медленно ползти по земле. Он растекался тонкими стеклянными узорами, и от него шёл едва заметный голубоватый свет.

Новый год начинается не с боя часов, а с первого доброго поступка.

О настольной игре, в которой никто не выиграл

Первого января положено ничего не делать, и пятеро друзей отнеслись к этому правилу очень ответственно.

После завтрака у ретривера они не разошлись по домам, а остались сидеть у печки. Корги принесла остатки пирога, дворняжка остатки мандаринов, кот остатки терпения, а лисёнок остатки сомнений насчёт ручья, которые он честно положил на край стола, чтобы никому не мешали. Ретривер заварила новый чайник и достала из шкафа большую коробку.

- Настольная игра, - объявила она. - «Лесная тропа». Мне подарили её давным-давно, а мы ни разу не играли.

- Почему? - спросила корги.

- Потому что правила занимают три страницы, - призналась ретривер.

Кот выпрямился в кресле, и по его лицу было видно, что для него эта фраза прозвучала как приглашение на праздник.

- Дайте сюда, - сказал он. - Я прочитаю.

Он читал правила двадцать минут. Все остальные успели доесть пирог, выпить по две чашки чая и подремать. Ретривер за это время нарисовала на салфетке портрет кота за чтением, очень похожий и очень смешной, и спрятала его в карман, чтобы потом подарить.

- Итак, - сказал наконец кот. - Каждый получает фишку и идёт по тропе от начала леса до избушки. Выигрывает тот, кто первым дойдёт до избушки с тремя грибами и шапкой.

- А если нет шапки? - спросила дворняжка.

- Значит, не выигрываешь.

- А если нет грибов?

- Тоже.

- А если медведь?

- Тогда возвращаешься на три клетки назад.

- Ужас, - сказала дворняжка. - Я лучше сразу к избушке без всего.

- Так нельзя.

- Но очень хочется.

Игра началась. Кот двигал фишку по клеткам с таким выражением, будто решал судьбу государства. Корги играла быстро и весело и каждый раз, когда попадала на что-то хорошее, радовалась так, будто выиграла настоящие грибы. Дворняжка ходила как придётся и на каждой клетке задавала вопрос, не относящийся к игре: «А где в этом лесу можно построить горку?» Ретривер играла спокойно и внимательно, поглядывая на остальных. А лисёнок ужасно боялся ошибиться.

Он знал, что в таких играх нужно считать клетки заранее, предугадывать ходы и всё делать правильно. Поэтому он просчитывал каждый шаг по пять минут, а когда наконец делал, оказывалось, что можно было иначе, и от этого стано-

вилось ещё страшнее.

- Лисёнок, - не выдержал кот на двадцатом его ходу. - Бросай кубик.

- Я думаю.

- Вижу. Уже десять минут. Мы успели состариться.

- Но если я пойду не туда...

- Это игра, - сказал кот. - Здесь невозможно пойти не туда.

Каждая дорога куда-нибудь да приводит.

Лисёнок бросил кубик. Выпала тройка. Он передвинул фишку и оказался на клетке с надписью: «Ты встретил медведя. Вернись назад».

- Ну вот, - сказал он.

- Отлично! - закричала дворняжка. - Теперь тебе придётся пройти ещё раз! Это же вдвое больше приключений!

Лисёнок открыл рот, чтобы ответить, но вдруг понял, что она права. Всё, что казалось ему провалом, было просто ещё одним куском тропы. Он тихонько засмеялся.

- Ладно, - сказал он. - Пойду назад.

- Так-то лучше, - отметил кот.

К середине игры случилось нечто странное. Кот потерял шапку, попал в болото, три раза встретил медведя и в итоге оказался дальше всех от избушки. Корги в это время нашла все грибы и вообще не потеряла ничего, но по глупой ошибке свернула не на ту клетку и оказалась в самом начале. Дворняжка ушла вперёд, но на последней клетке вытащила карточку «Ты забыл, зачем пришёл» и должна была начать

заново. А ретривер медленно и уверенно двигалась к избушке, но на предпоследней клетке остановилась.

- Подожди, - сказала она. - Тут написано: «Подожди остальных».

- Что? - не поняла корги.

- Так в правилах. - Ретривер протянула коту карточку. - «Тот, кто дошёл первым, ждёт, пока дойдут остальные. Игра заканчивается, когда все вместе в избушке».

Кот взял карточку и перечитал. Потом ещё раз.

- Я не видел этого пункта, - сказал он удивлённо.

- Он напечатан очень мелко. На обратной стороне.

- Значит... - Кот медленно поднял глаза. - Значит, в этой игре невозможно выиграть?

- Выиграть можно только вместе, - улыбнулась ретривер.

В комнате повисла тишина. А потом дворняжка расхохоталась так громко, что с полки упала кружка, а корги закрыла лицо лапами, и плечи у неё затряслись. Кот посмотрел на правила, на фишки, на всех сразу и вдруг тоже засмеялся. Негромко, глухо, будто смех этот долго лежал в шкафу и покрылся пылью.

- Три страницы, - сказал он, вытирая глаза. - Двадцать минут. И в конце: «Идите все вместе».

- Мы мудрые, - сказала дворняжка. - Мы так и делали!

Игру пришлось закончить сообща. Лисёнок передвинул свою фишку на клетку с избушкой, и все остальные фишки встали рядом, плечом к плечу. Выглядело это нелепо и

очень красиво: пять маленьких деревянных зверей у картонной двери.

- Победа! - крикнула дворняжка и подбросила в воздух салфетку со своим рисунком.

Салфетка спланировала коту на голову. Тот снял её, развернул, посмотрел на свой портрет и сказал:

- Похоже.

- Правда? - Дворняжка просияла.

- Очень.

Он аккуратно сложил салфетку и убрал, и никто не сказал ни слова, потому что все всё видели.

К вечеру они разошлись, сытые, сонные и довольные. Лисёнок шёл домой по тропинке, где ещё поблёскивали остатки гирлянд, и думал о том, как просто бывает, когда ничего не нужно доказывать. Тревога о ручье притихла и лежала где-то на дне души, как камешек, который пока никому не мешает.

Но у его двери, на самом краю нижнего стекла, расцвёл тонкий ледяной узор. Лисёнок остановился. Узор был красивый, острый, как звёздочка. Он присмотрелся и вдруг заметил, что в центре у него остался маленький круглый просвет, точно кто-то подышал и протёр стекло.

Кто-то уже был здесь. Совсем недавно. И посмотрел внутрь.

Лисёнок оглянулся. Лес молчал. Только на самой границе на секунду вспыхнул и погас голубой огонёк.

Игра, в которой можно выиграть только вместе, никого

не обижает.

О той, кто смотрела на чужие огоньки

На краю леса, там, где ёлки стоят так густо, что между ними не проходит и ветер, стоял дом из льда.

Его никто не строил. Он вырос сам, год за годом, как вырастает сосулька, которая однажды вдруг оказывается размером с дерево. Стены были прозрачными и голубыми, крыша переливалась, как хрусталь, а внутри всегда горел единственный огонёк, холодный и тихий. Днём дом прятался за ёлками, и никто, проходя мимо, его не замечал. А если кто-то и замечал, то решал, что это просто сугроб.

В этом доме жила снежная лиса.

Она была белой, как первый снег, с тёмным кончиком хвоста и глазами цвета зимнего неба перед закатом. Красивой её назвал бы любой, но называть было некому. Лиса сидела у окна и смотрела сквозь ледяное стекло на далёкую поляну, где горели золотые огоньки.

- Они смеются, - сказала она.

- Да, - отозвалась барс.

Снежный барс лежала на полу у печки, которая никогда не грела, а только светилась. Барс была большая, серая, пятнистая, с длинным хвостом, который она обычно обкручивала вокруг лап, когда о чём-то думала. Сейчас хвост был

обкручен вокруг лап дважды.

- Мне не нравится этот смех, - сказала лиса.

Барс промолчала. Она знала, что это неправда. Но знала и то, что сказать об этом сейчас значит услышать резкое слово, которое повиснет в доме на несколько дней, как иней на окне.

- Они думают, что весь мир умещается в их поляне, - продолжала лиса. - Ёлка, гирлянды, пряники. Как будто больше ничего нет. Как будто никто не живёт за этими деревьями.

- Может быть, они не знают, что мы здесь, - осторожно сказала барс.

- Вот именно! - Лиса повернулась, и в голосе её зазвенели льдинки. - Годами живём рядом, а они ни разу даже не заглянули! Ни разу не подумали: а вдруг на краю леса кто-то есть? Вдруг кому-то тоже хочется огоньков?

Она замолчала. Слова вылетели быстрее, чем она хотела.

- Мне не хочется, если что, - добавила она поспешно. - Мне всё равно. Просто смешно, что они такие слепые.

Барс подумала. Она всегда думала, прежде чем говорить, и от этого ей часто казалось, что слова слетают с языка слишком поздно, когда разговор уже ушёл в другую сторону. Но сейчас у неё было несколько секунд.

- Хочешь, я схожу туда? - сказала она. - Посмотрю на них. Может быть, они вовсе не такие.

- Нет, - отрезала лиса. - Не хочу, чтобы ты ходила к ним. Что ты там забыла?

- Я не...

- Принеси лучше чай.

Барс поднялась. Чай она заваривала из еловых иголок и льдинок, и получался он такой холодный, что обжигал язык. Но лиса любила именно такой, потому что тёплое её раздражало. Когда барс несла чашку обратно, она заметила, что у печки лужица воды замёрзла.

Не просто замёрзла, а застыла в форме звезды.

- Опять, - тихо сказала барс.

- Что опять? - спросила лиса, не оборачиваясь.

- Ничего.

Лиса взяла чашку и отхлебнула. Потом заметила на подоконнике тонкий слой инея, который час назад там не лежал. Он расплзался, медленно, лучами, и она вдруг ощутила, как холод идёт не снаружи, а откуда-то изнутри, из груди, как будто там поселился маленький зимний ветер.

Это был не первый раз. Холод начался давно: с каждым разом, когда она смотрела на чужие огоньки, он становился всё сильнее. Сначала только на окнах. Потом на дорожках. Потом за пределами дома, на ветках, на снегу, на ручье, который она иногда навещала ночью просто так, чтобы послушать воду.

Ей это не нравилось. Но остановить это она не умела.

Лиса отставила чашку и придвинулась ближе к стеклу. Далеко-далеко, на поляне, зажглась новая гирлянда: яркая, жёлтая, весёлая. Кто-то обнял кого-то, кто-то засмеялся,

кто-то поднял голову и посмотрел на звёзды.

- Они даже не знают, как нам здесь холодно, - прошептала лиса так тихо, что слышала только она сама.

А барс слышала. Потому что барсы всегда слышат больше, чем им говорят.

Она ничего не сказала. Просто подошла и села рядом, не слишком близко, чтобы не быть навязчивой, и не слишком далеко, чтобы было понятно: она здесь. Лиса повела плечом, как будто хотела отодвинуться, но не отодвинулась.

Так они и сидели вдвоём, глядя на огоньки.

Если никого не слушать, однажды некому будет говорить с тобой. Часто мы говорим «мне всё равно» именно о том, что для нас важнее всего.

О той, кто думала долго и всё-таки пошла

Утром барс проснулась первой. В ледяном доме не было ни солнца, ни тепла, и проснуться можно было только по привычке. Она потянулась, обернула хвостом лапы и подумала, что у неё очень тихая жизнь.

Лиса ещё спала, свернувшись клубком. Во сне она выглядела совсем маленькой: ни колючек, ни ледяных слов, только хвост, прижатый к носу. Барс постояла рядом, ничего не сказала и осторожно накрыла её старым пледом, который лиса вчера отвергла. Потом вышла на крыльцо.

Снег хрустел под лапами. Барс любила шагать по утрам одна, когда можно думать вслух, не опасаясь, что тебя оборвут. Она шла вдоль кромки леса и разговаривала сама с собой, как это умеют только те, кому давно не с кем разговаривать.

- «Они не знают, что мы здесь», - повторяла она. - Это правда. Но что, если они хотели бы знать? Что, если им просто никто не сказал?

Она остановилась.

- Надо сказать, - решила она. - Объяснить ей. Что можно прийти и сказать: здравствуйте. И никакого вреда не будет. Не обязательно сразу в гости, можно просто... постоять

у края поляны.

И тут же сама себе возразила: лиса ответит, что ей это не нужно. Что она вообще ничего не хочет. Что барс ничего не понимает. Это всегда было так: барс объясняла, лиса отмахивалась, и разговор заканчивался тем, что барс шла заваривать чай.

Она шла и шла, пока не услышала тихий писк.

Под корнями старой сосны сидела маленькая серая мышка и безуспешно пыталась выбраться из норки. Вход в её дом покрылся тонкой корочкой льда, твёрдой и скользкой. Мышка колотила лапкой, а лёд только блестел.

Барс присела рядом.

- Подожди, - сказала она. - Я сейчас.

Она подышала на лёд тёплым дыханием, потом осторожно царапнула когтем. Лёд хрустнул и раскололся. Мышка вылетела, как пробка, отряхнулась и уставилась на барса огромными чёрными глазами.

- Спасибо, - пискнула она. - А вы кто?

- Я... - Барс запнулась. Давно никто не спрашивал, кто она такая. - Просто прохожая.

- Тогда спасибо, прохожая, - сказала мышка, смешно поклонилась и убежала.

Барс осталась на месте, чувствуя странное тепло где-то под рёбрами. Ей никто не приказывал. Никто не ждал. Она просто увидела и помогла. И от этого стало легко и непривычно хорошо.

«Вот так, наверное, живут они, - подумала она. - Те, на поляне. Делают добро не потому, что надо, а потому что хочется».

Она пошла дальше и вскоре вышла к тому месту, откуда было видно поляну. Совсем близко, шагов двести. Ёлка стояла в полном великолепии, увешанная игрушками и огоньками, хотя утром огоньки уже погасли. Пятеро зверей возились у ёлки, убирали остатки праздника, и до барса доносились обрывки разговоров и смеха.

- ...нет, ставь сюда, - говорил кто-то. - Там удобнее.

- Ты опять неправильно держишь!

- Я правильно!

Они спорили, но без злости, а так, как спорят те, кто точно знает, что после спора будет хорошо. Барс стояла за густой елью, и ей хотелось подойти, сказать хоть слово, помочь донести что-нибудь. Но ноги не шли.

«А что я скажу? - думала она. - Здравствуйте, я с краю леса? Они удивятся. Испугаются. Подумают, что я пришла с плохими намерениями. Я такая большая и серая, а они маленькие...»

Один из зверей, рыжий лисёнок с большими ушами, вдруг остановился и повернул голову прямо в её сторону. Барс замерла. Сердце тревожно стукнуло.

Лисёнок смотрел несколько секунд. Потом пожал плечами и вернулся к делу.

Барс медленно выдохнула. Он не увидел. Но он почув-

ствовал. Она поняла это по тому, как дрогнули его уши.

«Он добрый, - подумала она. - Видно по тому, как держится. Он тоже тревожится».

Она потихоньку отступила назад. Сегодня ещё нет. Но когда-нибудь, может быть, она подойдёт.

Возвращаясь домой, она нашла на тропинке ещё одного мышонка, замёрзшего в сугробе, и отнесла его в сухое дупло. А по дороге решила: надо сказать лисе. Не приказывать, не уговаривать, просто сказать, что она видела. Что они не злые. Что можно прийти.

Но когда барс вернулась, лиса уже стояла в дверях, и лицо у неё было такое, что слова застряли в горле.

- Где ты была? - спросила лиса холодно.

- Гуляла.

- Гуляла. Пока я одна. - Лиса отвернулась. - Принеси дров. Печка гаснет.

- Она не греет...

- Принеси!

Барс кивнула и пошла за дровами. Она так и не сказала.

Доброе дело не ждёт приказа. Достаточно увидеть, что кому-то нужна помощь, и сделать. А вот слова, которые мы так долго обдумываем, иногда остаются несказанными, пока не станет слишком поздно.

О пледе, который не взяли

Ночью поднялся ветер.

Он шёл с севера и нёс запах сухого снега. Барс лежала на полу и слушала, как он проходит сквозь ледяные стены дома. Лиса давно спала, но не спокойно: дёргала хвостом, вздрагивала, шептала что-то неразборчивое. Иногда по стенам пробегали голубые вспышки, и тогда барс замирала, потому что знала: сейчас холод вырвется наружу.

Он вырвался перед рассветом. Лиса вскрикнула во сне, и стекла дома задрожали. По двору пронёсся тонкий звон, как будто тысяча хрустальных бокалов лопнули одновременно. А потом наступила тишина.

Барс подбежала к окну. Двор был покрыт ровным слоем льда, гладким, как зеркало. Ёлки по краям блестели от инея. А ещё дальше, там, где дорожка уходила к ручью...

Ручей молчал. Он затих ещё в первую ночь года, а теперь лёд дошёл до самого дна.

Он больше не журчал, не булькал, не отражал небо. Барс знала этот ручей: он был единственным живым звуком в её тихом мире. Она слушала его по ночам, когда не могла уснуть. И теперь он замолчал совсем.

- Что случилось? - Лиса стояла в дверях, бледная и расстрёпанная. - Что там?

- Ручей промёрз до дна, - сказала барс тихо.

- Ну и что? - Лиса передёрнула плечами. - Зима. Бывает.
- Здесь не бывает, - сказала барс. - Это ты, лиса.
- Что?

- Это от тебя. От твоей... от того, что ты чувствуешь. Холод идёт, когда тебе грустно.

- Мне не грустно! - Лиса вспыхнула. - Мне всё равно! Не смей говорить, что я чувствую!

Барс опустила голову. Она не хотела ссориться. Она хотела сказать, что холод не плох, что его можно научиться понимать, что рядом есть тот, кто готов помогать. Но слова опять не нашлись.

Она подняла с пола плед, тот самый, старый, шерстяной, серый, и протянула лисе.

- Тебе холодно. Возьми.

- Мне не холодно!

- Ты дрожишь.

- Не дрожу!

Плед упал на пол. Лиса отвернулась, резко, как отворачиваются от того, кого боятся обидеть, а потому обижают первой. Барс подняла плед, свернула и положила на скамью. Потом молча вышла на крыльцо и села, чтобы лиса осталась одна.

Холодный воздух ударил в лицо. Снег под лапами хрустел особенно громко. Она слышала, как за дверью что-то звякнуло и затихло. Потом голос лисы, глухой, едва слышный, сказал:

- Они даже не знают, что я здесь.

Барс замерла.

- Я смотрю на них каждый день, - продолжала лиса, не зная, что её слышат. - Каждый вечер. Они такие... тёплые. Все вместе. А я здесь. Я рядом. Совсем рядом. А они не видят.

Голос дрогнул.

- Если бы они спросили, я бы сказала, что мне всё равно. Но почему они не спрашивают?

Барс сидела неподвижно, и в груди у неё было так тесно, что казалось, будто сердце вот-вот лопнет. Вот оно. То, что лиса прятала за колкостями. То, что барс всегда подозревала, но никогда не слышала вслух.

Она не вошла в дом. Не сказала, что слышала. Лиса не простила бы этого. Просто сидела на пороге, глядя на мёртвый ручей и думая о том, что слова, которые нельзя произнести, иногда бывают громче любого крика.

Утром она взяла плед и положила рядом с лисой, пока та спала. И тихо, чтобы не разбудить, сказала: «Я здесь».

Лиса не шевельнулась. Но когда барс отошла, лисий хвост медленно, неохотно подвинулся и накрыл плед.

Тот, кто отталкивает заботу, часто просто боится её принять.

О лисе, которая вырастила ёлку из льда

Ночью, когда барс наконец уснула, лиса вышла во двор.

Она не знала, зачем. Просто ей не лежалось. Вся комната была полна тишины, а в тишине слышалось то, о чём не хотелось думать: смех на дальней поляне, звон чашек, слово «пряники», которое донёс ветер. Лиса постояла на крыльце, завернувшись в плед, а потом сделала шаг в снег.

Под лапами захрустело. Двор лежал белый и пустой, обнесённый тёмными ёлками. Над головой горели звёзды, настоящие, холодные и очень близкие. Лиса подняла голову и подумала, что звёзды хотя бы честные: они никогда не делают вид, что им тепло.

Она села на снег и стала смотреть на далёкие огоньки гирлянд. Они мигали, как светлячки. На самой макушке большой ёлки горела маленькая жёлтая звезда.

- Глупая ёлка, - сказала лиса вслух. - Украшенная, как ребёнок на праздник. Зачем столько блеска? Всё равно потом разберут.

Но она не отводила глаз.

Лиса не умела признаваться себе, что ей нравится что-то чужое. Это было как признаться, что ты голодная, когда мимо проходит чужой обед. Но ёлка действительно была кра-

сивой. Что-то в ней говорило: «Я стою здесь, и мне хорошо». Лиса вдруг захотела так же. Не чтобы кто-то смотрел, а чтобы просто стоять и светиться.

Она сжала лапы. Привычный холод поднялся из груди, но на этот раз она не стала его гнать. Она подумала: «А что, если не сопротивляться?» И выдохнула.

Дыхание вышло белым облачком, которое повисло в воздухе и вдруг застыло. Тонкая нитка льда потянулась вверх. Лиса удивилась и выдохнула ещё раз, осторожнее. Нитка выросла, обросла веточками, потом хвоинками, прозрачными, как стеклянные иглы. Лиса, затаив дыхание, водила лапой в воздухе, словно рисовала, и перед ней, ствол за стволом, ярус за ярусом, поднималась ёлка.

Она получилась невысокой, ей по грудь. Прозрачная, с голубоватым отливом, каждая веточка тонкая и острая, а на верхушке, там, где у настоящей ёлки горела бы звезда, вместо неё сверкала маленькая льдинка в форме звёздочки. Внутри этой льдинки мерцал свет. Лиса не помнила, как он там появился. Он просто был.

Она отступила на шаг и посмотрела на свою работу. Ёлка стояла в лунном свете и переливалась тысячей мелких искр. Лиса обошла её кругом, потрогала веточку, и та тихонько звякнула, как колокольчик.

- Красиво, - прошептала она.

И вдруг рассмеялась. Не колючим смехом, не горьким, а тихим, удивлённым, будто она сама не ожидала. Холод, кото-

рый всегда мешал, который замораживал ручьи и пугал птиц, оказался способен на такое. На красоту. На то, чего у неё никогда не было.

- Я могу, - сказала она. - Смотри-ка. Я могу.

Лиса села рядом с ёлкой и просидела так долго. Ей было странно и хорошо. Она представила, как покажет ёлку барсу. Как барс удивится, как скажет: «Это прекрасно». Как они будут вместе сидеть и смотреть. Это было такое тёплое, невероятное воображение, что холод в груди почти утих.

А потом с дальней поляны долетел смех.

Далёкий, звонкий, весёлый. Кто-то там, у большой ёлки, смеялся, и этот смех, прилетев через лес, ударил её прямо в сердце. Лиса вздрогнула. Холод вернулся одним рывком, остро и больно. Ёлка перед ней зазвенела, задрожала, и на ней побежала тонкая трещина.

- Нет, - сказала лиса. - Нет, подожди...

Но было поздно. Трещина разбежалась по всему стволу, ветки затрещали одна за другой, и ёлка рассыпалась тысячей сверкающих осколков, которые упали на снег с долгим печальным звоном.

Лиса стояла и смотрела на то, что осталось. Лапы у неё тряслись.

- Видишь, - прошептала она. - Всё равно ничего не получается.

Она не заметила, что за её спиной в дверях стоит барс. Та вышла на тихий звон, увидела всё, что случилось, и теперь

стояла, не шевелясь, не желая нарушать эту минуту.

Лиса резко повернулась.

- Что ты здесь делаешь?

- Услышала, - тихо сказала барс. - Это было красиво.

- Это было ничего.

- Нет. - Барс подошла и осторожно присела у кучки осколков. - Это была настоящая ёлка. Самая красивая, которую я видела.

- Она рассыпалась.

- Да. Но она была.

Лиса отвернулась. Барс аккуратно подняла один осколок, маленькую льдинку в форме звезды. Тот самый, что сиял на верхушке. Он был холодный, но внутри его всё ещё светилось.

- Можно мне оставить его? - спросила она.

- Зачем?

- Чтобы помнить, что ты это умеешь.

Лиса долго молчала, потом пожала плечами.

- Как хочешь.

Барс спрятала льдинку и ушла в дом. Лиса осталась на снегу ещё на несколько минут, глядя на искрящиеся остатки своей ёлки. Но когда она тоже вернулась, уголки её рта чуть-чуть приподнялись.

Совсем чуть-чуть. Но барс заметила.

Т о, что рассыпалось, всё равно было. И тот, кто сохранил маленькую льдинку на память, говорит этим: «Я

помню, что ты способен на чудо».

О том, что нельзя молчать

На второй день января ручей по-прежнему молчал, и к полудню даже кот перестал говорить, что это «ненадолго».

Они собрались у ручья вшестером: пятеро и тишина, которая стояла между ними, как шестой гость. Лёд не таял и к полудню стал ещё толще. Дворняжка осторожно потрогала его лапой и тут же отдёрнула.

- Он пищит, - сообщила она. - Когда на него наступаешь. Как будто жалуется.

- Лёд не жалуется, - сказал кот, но наклонился и послушал сам.

- Это странно, - сказала корги. - Не бывает так, чтобы он замёрз в один день, да ещё в тёплую погоду.

- Бывает, если что-то его заморозило, - тихо сказала ретривер.

Все посмотрели на неё.

- Что-то или кто-то, - добавила она. - Я не знаю. Просто мне кажется, что это не просто мороз.

Лисёнок почувствовал, как внутри всё сжимается. Он уже открыл рот, чтобы заговорить, потом закрыл. Потом опять открыл.

- Лисёнок, - сказал кот. - Ты хочешь что-то сказать?

- Нет, - сказал лисёнок. И тут же понял, что опять соврал. Не словами, а молчанием. Он вспомнил, как всё начиналось

в прошлый раз: сначала «не скажу», потом «не хочу беспокоить», а потом три дня молчания, и холодная стена между ним и всеми.

- Да, - сказал он быстро, пока не передумал. - Хочу.

Все повернулись к нему, и сердце лисёнка забилося чаще. Он стоял на льду, окружённый друзьями, и чувствовал, как горят уши.

- Я видел иней, - начал он. - Ещё до Нового года, на рябине. Он был странный, ровный, с узорами, как звёзды. И потом такой же узор появился на моём окне. Я рисовал его и показывал коту.

- Показывал, - подтвердил кот. - Я сказал ждать.

- А ещё, - лисёнок опустил глаза, - на опушке, когда мы вешали гирлянды, мне показалось, что на нас кто-то смотрит. Не страшно. Просто... смотрит. Как будто издалека. Я никому не сказал, потому что думал, что мне показалось.

Наступила тишина. Корги тихонько ахнула. Дворняжка, которая никогда не молчала больше десяти секунд, молчала уже все двадцать.

- Кто-то смотрит на нас? - прошептала она.

- Не знаю, - сказал лисёнок. - Может быть. Но я решил, что лучше сказать, чем молчать. Простите, что не сразу.

Ретривер подошла и положила лапу ему на плечо.

- Спасибо, - сказала она. - Это было непросто. Я знаю.

- Это было правильно, - добавил кот. - Для следопыта нет ничего хуже, чем промолчавшие свидетели.

- Следопыт? - переспросила дворняжка.

- Именно, - сказал кот и выпрямился. - Мы идём на опушку.

Через час они уже шли по тропинке, которую гирлянды украшали два дня назад. Огоньки не горели, провода были покрыты тонкой ледяной коркой. Корги шла впереди, пригнувшись, дворняжка скакала по бокам, кот шагал размеренно и важно, а лисёнок с ретривером замыкали шествие.

- Ты хорошо сказал, - тихо сказала ретривер.

- Мне было страшно, - признался лисёнок.

- Я заметила. Уши прижимались. - Она улыбнулась. - Но ты всё равно сказал. Это называется смелость.

- Это называется «не хочу опять сидеть три дня в домике и думать».

- Тоже подходит, - засмеялась ретривер.

На опушке они остановились. Здесь начинался густой ельник, и снег был глубже, чем на тропе. Корги вдруг присела и стала разглядывать землю.

- Следы, - сказала она. - Смотрите.

Следов было много. Они тянулись от ёлок к поляне и обратно. Одни побольше, широкие и мягкие, с отпечатками подушечек, как у большой кошки. Другие поменьше, острые, лисьи.

- Две пары, - сказал кот, присев рядом. - Вчера или позавчера. Одна пара подходила совсем близко, к самому краю поляны. Стояла долго. Видите, снег утопан?

- Кто-то стоял и смотрел? - прошептала дворняжка.

- Похоже на то, - сказал кот.

Лисёнок присел рядом и коснулся лапой отпечатка. Он был холодным. Не просто холодным от снега, а ледяным, как будто следы вырезали из льда.

- Они ведут туда, - сказала корги и показала в глубь леса.

Все посмотрели на тёмные ёлки. Лес молчал, и в этой тишине было что-то внимательное.

- Может, пойдём дальше? - предложила дворняжка.

- Не сегодня, - сказал кот. - Мы не знаем, кто там. Тот, кто смотрит и не подходит, обычно боится. Или ждёт. Лучше не давить. Вернёмся с утра.

- Но если они одни? - спросил лисёнок. - Если им холодно?

Кот долго смотрел на него.

- Тогда тем более не нужно пугать, - сказал он. - Нужно осторожно.

Они вернулись на поляну, когда уже темнело. На следах позади, на самой границе леса, снег чуть заметно блеснул голубым, а потом погас.

Молчание о тревожном делает его больше, а сказанные вслух слова превращают страх в загадку, которую можно разгадать вместе.

О тайне

Три недели до дня рождения ретривера! Мысль эта так вертелась в голове лисёнка, что он почти не спал. Он лежал на кровати, смотрел в потолок и составлял список.

«1. Торт. Пусть корги. 2. Украшения. 3. Подарок. Мой подарок. 4. Слова. Те, что хочу сказать. 5. Придумать, как сказать».

Пятый пункт был самым страшным.

Утром он пошёл к дому кота. Табличка «Не беспокоить. Мыслию» висела на двери, и лисёнок дважды постучал. Дверь распахнулась.

- Ага, - сказал кот. - Заходи.

Внутри, к его удивлению, сидели уже все: корги с блокнотом, дворняжка, подпрыгивающая от нетерпения, и даже ретривер... нет, ретривера не было.

- Её нет, - подтвердил кот, угадав его взгляд. - Мы нарочно собрались без неё. Тайный совет.

- Тайный совет по тайному празднику, - торжественно объявила дворняжка. - Тайно! Очень-очень тайно!

- Ты шепчешь так, что слышно в лесу, - заметил кот.

- Я стараюсь! - прошептала дворняжка громче прежнего.

Лисёнок сел на подушку. Корги раскрыла блокнот, и там уже была готова целая программа.

- Двадцать второго января, - сказала она, - будет праздник.

Но не просто день рождения. Мы устроим его на поляне, у ёлки, с гирляндами и столом. Я испеку торт, самый большой, в три яруса.

- В три?! - ахнула дворняжка. - А если упадёт?

- Не упадёт, - сказал кот. - Я рассчитал опоры.

- Я отвечаю за гирлянды, - продолжила корги. - Дворняжка за сюрприз. Кот за стол и стулья. А лисёнок...

Все посмотрели на него. Он почувствовал, как у него ро-
зовеют уши.

- За подарок, - сказал кот. - И за слова.

- За какие слова? - удивился лисёнок.

- За те, что ты хочешь ей сказать, - спокойно ответил кот.
- Я не слепой.

Лисёнок открыл рот. Закрыл. Опять открыл. Корги тихонько хихикнула, дворняжка закатила глаза, а кот просто сидел с самым невинным видом.

- Это... не... - начал лисёнок.

- Конечно, - кивнул кот. - Продолжай.

- Ладно, - выдохнул лисёнок. - Это правда.

- Мы знали, - сказала корги мягко. - Давно. Не волнуйся.

Мы никому не скажем.

- Особенно ретриверу, - добавила дворняжка шёпотом, который слышали, наверное, в соседнем лесу. - Я буду молчать, как рыба! Как две рыбы! Как целая стая рыб!

- Дворняжка, - вздохнул кот.

- Молчу.

Они засмеялись, и тревога немного отступила. Лисёнок понял, что тайна, которую он носил в себе, как горячий уголёк, вовсе не одинока. Все давно о ней знали и берегли её вместе с ним. Она оказалась не обузой, а общим секретом, тёплым и надёжным.

Они сидели и обсуждали подробности. Какого цвета будут свечи. Какую песню споёт дворняжка. Сколько нужно мандаринов. Кот составил список из сорока пунктов и отдал каждому по копии.

- И ещё, - сказала корги, закрывая блокнот. - Нужно, чтобы она ничего не заподозрила.

- Она заподозрит, - сказал кот. - Она слишком умная.

- Тогда пусть подозревает, - пожала плечами корги. - Главное, чтобы не знала точно.

- Мы будем вести себя совершенно обычно, - торжественно произнесла дворняжка.

Кот посмотрел на неё долго и грустно.

Именно в этот момент в дверь постучали. Дважды.

Все замерли. Кот приоткрыл дверь, и на пороге появилась ретривер, закутанная в шарф, с чашкой горячего чая в лапах.

- Я принесла чай, - сказала она. - У вас тут так тихо... Вы что-то обсуждаете?

- Нет! - крикнула дворняжка.

- Да, - сказал кот. - Мы обсуждаем... погоду.

- Погоду? - Ретривер подняла брови.

- Холодно, - быстро сказала корги. - Очень. Мы думаем,

как тут быть.

Ретривер обвела взглядом комнату: блокнот, спрятанный под подушкой, дворняжку, стоящую в позе «я ничего не скрываю», лисёнка, который изо всех сил смотрел в потолок.

- Хорошо, - сказала она, и в углах рта у неё пряталась улыбка. - Раз погода, значит погода. Чай пейте, пока горячий.

Она поставила чашку на стол и ушла. Дверь тихо закрылась.

- Она знает, - прошептала корги.

- Конечно, знает, - сказал кот. - Но делает вид, что нет. Это называется «подарить сюрприз».

- То есть мы молодцы? - спросила дворняжка.

- Мы очень громкие молодцы, - сказал кот. - Это совсем не то же самое. Но сойдёт.

Лисёнок смотрел на закрытую дверь и улыбался. Ему было и страшно, и смешно, и очень тепло. Они все вместе, в маленьком домике на пригорке, вместе хранили то, что нельзя скрыть, и от этого тайна становилась не секретом, а праздником.

Секрет, который хранят вместе, объединяет. А ещё иногда самые близкие давно всё знают и просто ждут, когда ты будешь готов сказать вслух.

О письме

Ночью лисёнок не мог уснуть, поэтому решил написать письмо.

Он сел за стол, зажёл свечу и достал лист самой хорошей бумаги, той, что берёт для особых случаев. Макнул перо в чернила, подумал и вывел первую строчку: «Дорогая ретривер».

Строчка получилась ровная. Лисёнок остался доволен и продолжил: «Хочу сказать тебе, что ты самое замечательное существо на свете, и я очень рад, что мы с тобой знакомы уже так давно и что ты всегда была ко мне добра, и даже когда я думал, что я лишний, ты...»

Он остановился и перечитал. Строчка была длинная, тяжёлая, как мешок с картошкой, и ничего в ней не двигалось. Лисёнок вздохнул, скомкал лист и бросил в угол.

Второй вариант он начал иначе: «Здравствуй, ретривер! Сегодня я хочу рассказать тебе, что у меня на душе. Там много чего есть, но главное...» Что главное, он не знал. Второй лист отправился в тот же угол.

Третий вышел слишком торжественным: «Милостивая ретривер, смею надеяться...» Лисёнок прочитал вслух и ужаснулся. Он никогда в жизни не говорил «смею надеяться». От четвёртого листа остались только слова: «Ты мне нравишься», зачёркнутые так яростно, что бумага порва-

лась.

К пятому разу в углу выросла целая гора комков. Лисёнок сидел с растрёпанными ушами, красным носом и чернильным пятном на щеке. Свеча почти догорела. Он взглянул на пустой лист и вдруг понял, что боится не письма. Он боится, что она прочитает и увидит, насколько он на самом деле маленький и неуверенный.

В дверь тихо стукнули. Дважды.

- Не спишь? - спросил кот, входя без приглашения. Он был в халате и ночных тапочках, а под мышкой держал книгу. - Дым из твоей трубы слишком долго идёт. Что-то случилось?

Лисёнок огляделся по сторонам, будто надеялся спрятать гору бумаги, но спрятать её было некуда.

- Пишу письмо, - признался он.

- Кому?

- Ты знаешь.

- Знаю. - Кот прошёл к столу, поднял один из комков, разгладил и прочитал. Вслух: - «Смею надеяться». Лисёнок, это что?

- Я пытался быть красивым.

- Получилось неубедительно.

- Знаю.

Кот поднял другой листок, потом третий, внимательно прочитал каждый и аккуратно сложил в стопку. Затем сел на стул, поправил очки и сказал:

- У тебя есть проблема.

- Какая?

- Ты пишешь так, как будто сдаёшь экзамен. А нужно писать так, как будто говоришь.

- Я не умею говорить.

- Ты только что поговорил со мной, - заметил кот. - Три раза, не заикаясь. Так и пиши.

- Это совсем другое. Это ты.

- Нет. Это ты со мной. Теперь представь, что передо мной ретривер.

Лисёнок закрыл глаза. Представил. Золотая шерсть, мягкие уши, глаза, которые умеют видеть то, чего не видят другие. Сердце забилося быстрее.

- Что бы ты ей сказал? - спросил кот.

- Что рад... что она есть. Что она замечает всё. Что мне хорошо рядом. Что я... - Он запнулся.

- Дальше.

- Что я люблю её.

Слова упали в тишину, как камешки в воду. Лисёнок открыл глаза и увидел, что кот сидит абсолютно спокойно, без улыбки, без насмешки, просто слушает.

- Вот, - сказал кот. - Это и пиши. Без «смею надеяться». Без «милостивой». Только то, что сказал сейчас.

Лисёнок взял чистый лист, обмакнул перо. Подумал. И написал: «Ты мне очень дорога». Остановился. Больше слов не требовалось. Он перечитал, и сердце у него стало лёгким, будто кто-то снял с него тяжёлый рюкзак.

- Это всё? - спросил он.

- Если захочешь, добавишь, - сказал кот. - А если нет, и этого достаточно. Короткое слово иногда весит больше, чем длинное.

- Но она подумает, что я ленюсь.

- Она подумает, что ты честный. - Кот поднялся. - Только не отдавай письмо сегодня. Подожди. Пусть полежит.

- Почему?

- Потому что слова, которые написаны ночью, нужно перечитать утром. Тогда понятно, твои они или тревоги.

Лисёнок кивнул. Кот подошёл к двери, помедлил на пороге и добавил, не оборачиваясь:

- Я тоже писал. Давно. Семь раз. Потом выбросил. И теперь жалею, что не отправил восьмой.

Лисёнок вскинул голову, но кот уже вышел. Дверь тихо закрылась. На столе осталась свеча, догорающая в подсвечнике, и маленький лист с одной строчкой. Лисёнок аккуратно сложил его вчетверо и спрятал в карман. Потом собрал комки бумаги, расправил самый смешной, тот, что со «смею надеяться», и повесил на стену как память.

- Нормально, - сказал он сам себе, как говорил кот.

И лёг спать. Уснул почти сразу.

Слова не должны быть идеальными. Они должны быть настоящими. Иногда самое длинное письмо живёт в одной короткой строчке, а самое трудное признание звучит проще, чем мы думали.

О льде, по которому оказалось весело кататься

На пятый день января стало ясно, что ручей не растает. Лёд лежал ровный, прозрачный, и сквозь него были видны камешки на дне, как сквозь стекло старого окна. Даже рыбки, которые обычно мелькали у берега, куда-то пропали.

- Я так не люблю, - сказала корги, глядя на неподвижную воду. - Что-то не так. А мы только и делаем, что ходим вокруг да около.

- Мы наблюдаем, - сказал кот.

- Мы мёрзнем, - уточнила корги.

- Одно другому не мешает.

Дворняжка с самого утра вела себя странно тихо. Она ходила вокруг ручья, трогала лёд лапой, прикладывала к нему ухо и что-то обдумывала с таким серьёзным лицом, что все начали волноваться.

- Дворняжка, - осторожно спросил лисёнок, - у тебя всё хорошо?

- Я думаю, - сказала дворняжка и наморщила лоб. - У меня очень сложная мысль. Подождите. Она ещё не созрела.

Она ещё минуту постояла, а потом вдруг просияла так, что даже мороз, кажется, отступил.

- САНКИ!

- Что «санки»? - не понял кот.

- Лёд! Он гладкий! Он длинный! Он ровный, как скатерть!

Мы же получили подарок на Новый год, настоящие санки, а кататься-то негде было! А теперь можно!

Все посмотрели на неё. Потом друг на друга. Потом на лёд.

- Лёд может быть опасным, - осторожно начал кот.

- Лёд, - сказала ретривер, - толстый. Я проверяла. Он выдержит и слона.

- Слонов здесь нет, - сказал кот.

- Зато есть мы, - засмеялась ретривер и посмотрела на него так, как умела только она: ласково и упрямо одновременно.

Кот долго вздыхал, но через полчаса уже стоял у начала ледяной дорожки в шерстяной шапке и очень серьёзно проверял крепления на санках.

- Только по одному, - сказал он. - И не больше пяти метров.

Дворняжка, конечно, нарушила обе договорённости. Она разбежалась, прыгнула на санки животом вперёд, пролетела весь ручей с таким восторженным визгом, что испугнула птиц на трёх соснах, врезалась в сугроб и вылетела из него с головой, засыпанной снегом, и воплем «ЕЩЁ!».

- Это было недозволительно быстро, - констатировал кот, но в голосе его слышалось что-то вроде зависти.

Корги была второй. Она поехала очень красиво, прямо и ровно, как положено уважающей себя собаке, но на середи-

не пути вдруг не выдержала, закричала «Иииии!» и закрыла глаза. Приземлилась мягко, в том же сугробе, и сразу же выкрикнула: «А можно мне ещё?»

- Кто бы мог подумать, - сказал кот, обращаясь к небу.

Лисёнок смотрел на всё это, переминаясь с лапы на лапу. Ему тоже хотелось. Очень. Но ему казалось, что он обязательно что-нибудь сделает не так: упадёт, перевернётся, опозорится. А ведь ретривер рядом.

- Ты боишься? - спросила она, подойдя.

- Нет, - сказал он. - То есть да. Совсем чуть-чуть. Я не очень хорошо умею что-либо делать.

- Ты всё умеешь, - сказала ретривер. - Просто надо сесть и отпустить.

- Отпустить что?

- Страх, - улыбнулась она. - Давай вдвоём. Я сзади, ты спереди.

Он сел на санки, чувствуя, как колотится сердце. Ретривер села за ним, и её лапы легли ему на плечи. Тёплые, лёгкие, надёжные. Кто-то толкнул их сзади, и мир вдруг рванулся вперёд.

Лёд летел под полозьями. Ветер резал морду. Берега мелькали, как страницы быстро перелистываемой книги. Лисёнок хотел закричать, но получился не крик, а смех.

- Держись! - крикнула ретривер ему в ухо.

- Держусь! - завопил он.

Они пролетели весь ручей, перевернулись на самом конце

и покатились по снегу, смеясь так, что слёзы текли по мордам. Лисёнок лежал на спине и смотрел в небо, а над ним, перевернувшись вверх тормашками, склонилась ретривер, и её золотая шерсть была вся в снежинках.

- Ну как? - спросила она.

- Это лучшее, что со мной случилось сегодня, - выдохнул он.

- Только сегодня?

- Ну, - он задумался и серьёзно сказал: - на этой неделе.

Ретривер захохотала и упала рядом с ним, и они лежали вдвоём в сугробе, а где-то далеко кричала дворняжка: «Теперь я задом наперёд!»

К вечеру выяснилось, что кот, который сначала отказывался, оказался на удивление искусным. Он сделал ледяную горку из снега, облил её водой из чайника, и она замёрзла в идеальной форме. Корги каталась на животе, дворняжка стоя, а лисёнок, осмелев, придумал соревнование: кто проедет дальше с закрытыми глазами. Победил кот. Он сказал, что специально закрыл глаза ещё на старте.

Когда стемнело, они сидели на берегу, укутанные в одеяла, пили горячий чай и смотрели на ручей, который при свете гирлянд переливался, как драгоценный камень.

- Странно, - сказала корги. - Вроде всё не так, холод, лёд, загадки. А мне хорошо.

- Это потому что мы вместе, - сказала дворняжка.

- Это потому, что лёд хорошо скользит, - сказал кот.

- И то и другое, - согласилась ретривер.

Лисёнок молчал, думая, что холод, который сначала казался угрозой, оказался просто новой зимой. Тихой, прозрачной, полной возможностей. И в этот момент ему показалось, что на дальнем берегу, там, где начинался лес, сверкнули чьи-то глаза.

Он повернул уши. Ничего. Только тишина и тихий-тихий звон, как будто кто-то далеко-далеко ударил льдинкой о льдинку.

Страх отпускает, когда делаешь что-то вместе.

О санной гонке

Новость о гонке разнеслась по лесу быстрее, чем падает снег.

Начала дворняжка. Она в тот же вечер, как катались по ручью, обежала всех знакомых и объявила: «Завтра на льду будет СОРЕВНОВАНИЕ! Приходите все!» К утру у ручья стояла толпа: ёжик в вязаных носках, три белки в шарфах, семейство зайцев, старая сова, которая «просто пришла посмотреть», и маленькая серая мышка, та самая, что когда-то выбралась из ледяной норки и теперь с гордостью сообщала, что у неё есть «знакомая Прохожая».

Кот, как главный организатор, расчертил трассу мелом на льду и вывесил на двух палках правила:

«1. Стартовать только по сигналу. 2. Не толкать соперников. 3. Не есть на трассе. 4. Победитель определяется судьёй. 5. Жалобы не принимаются».

- Пятое правило мне не нравится, - сказала корги.

- Оно самое важное, - ответил кот.

Участников набралось двенадцать. Команда лисёнка и ретривера, команда дворняжки и корги, три белки в одном корыте, ёж, который ехал на дощечке, зайцы на связанных лыжах и старая сова, которая, как оказалось, великолепно планировала над льдом на санках, подвешенных к воздушному змею.

- Это нечестно, - сказал кот.

- Правила не запрещают, - спокойно ответила сова.

Кот долго смотрел на правила, потом на сову, вздохнул и дописал шестой пункт: «Воздушные змеи разрешаются».

Сам он не собирался участвовать. Он стоял с флагом, строгий, как капитан корабля. Но когда пошла первая группа и дворняжка с корги пролетели старт, вращаясь, как юла, он почувствовал странное щекотание в лапах.

- Кот! - крикнул лисёнок из-за финиша. - Давай с нами!

- Я судья.

- Судьи тоже катаются!

- Нет такого правила.

- Давай придумаем!

Кот открыл рот, чтобы отказаться, но ёж, проезжая мимо на дощечке, крикнул: «Слабо?» А слово «слабо» действовало на кота странным образом. Он ещё немного постоял, потом молча сунул флаг белке, надел шлем, который неизвестно откуда достал, и сел в санки.

- Только один заезд, - сказал он.

- Конечно! - радостно закричала дворняжка.

Он стартовал последним и вначале ехал очень аккуратно, придерживаясь трассы. Потом заметил, что ёж обгоняет его слева, и сам не понял, как нажал на полоз сильнее. Санки рванули вперёд. Ветер зашумел в ушах, глаза заслезились, и кот вдруг издал совершенно незнакомый звук. Что-то среднее между криком и смехом. Все повернули головы. Кот в

шлеме нёсся по льду, обгоняя зайцев и белок. На повороте его развернуло, он проскользил боком, вздёрнул санки на одном полозе и пролетел последние метры, широко раскинув лапы. Финишная лента не выдержала и порвалась.

Тишина. Потом кто-то начал хлопать. Потом все.

- Кот выиграл! - завопила дворняжка.

- Я не выиграл, - сказал кот, вылезая из санок, взъерошенный и совершенно счастливый. - Я просто... проехал.

- Ты опередил сову!

- Сова тоже проехала.

- Но ты первым!

Он хотел сказать, что соревнование не измеряется скоростью, но не стал. Вместо этого посмотрел на свои дрожащие от азарта лапы и тихо сказал:

- Хочу ещё.

Следующий заезд он проигрывал ёжику, и это было, пожалуй, лучшее, что случалось в его жизни. Ёж выиграл с таким видом, будто взял золотую медаль, а кот пожал ему лапу и сказал, что это был достойный соперник. Потом они поменялись шапками, и ёж надел шлем, а кот носил вязаную шапочку с помпоном до самого вечера.

Лисёнок смотрел на всё это и не мог перестать улыбаться. Ретривер сидела рядом на берегу, закутавшись в плед, и тоже смеялась.

- Никогда не видела его таким, - сказала она.

- Он никогда не был таким.

- Может быть, был, - задумчиво сказала ретривер. - Просто не позволял себе.

- А что изменилось?

- Не знаю. Может быть, ты, - улыбнулась она. - Ты научил нас всех говорить, когда страшно. А когда говоришь, становится не так страшно играть.

Лисёнок промолчал. Он не умел принимать похвалу, не прячась. Но на этот раз он не стал отворачиваться, а просто сказал:

- Спасибо.

Вечером, когда все разошлись по домам, на льду остались только следы санок и обрывки финишной ленты. Лисёнок задержался у ручья. Ему показалось, что лёд под ногами тихонько вибрирует, как струна, по которой кто-то только что провёл пальцем. Он снял шапку с одного уха.

Звук был тонкий и очень далёкий. Он шёл не из-под льда, а откуда-то из леса. Тот самый звон. Но сегодня в нём слышалась не просьба и не тоска, а какое-то осторожное любопытство. Будто кто-то слушал, как они смеются, и пытался понять, как это делается.

Играть можно и тогда, когда немного страшно.

О дороге, которая оказалась длинной

В ледяном доме в тот вечер было тихо, как в погребке.

Лиса сидела у окна и смотрела на ручей, где в полутьме катались крошечные тени. Сквозь ледяное стекло доносились обрывки смеха, тонкие, звенящие, как колокольчики. Она сжимала лапой подоконник так сильно, что на нём остались следы когтей.

- Они катаются на моём льду, - сказала лиса.

- Это не твой лёд, - осторожно заметила барс.

- Это мой холод! Я его сделала! - Лиса резко обернулась, и от этого движения по полу пробежала трещина. - А они используют его для игр! Как будто он для них!

Барс не ответила. Она не знала, что на это можно сказать. Правда была слишком сложной: холод действительно шёл от лисы, но лиса сама не умела им управлять. Зато она отлично умела на него обижаться.

- Хочу знать, - сказала лиса вдруг. - Почему им хорошо. Что у них есть такого, чего нет у нас. Иди и посмотри.

- Куда?

- К ним. На поляну. Узнай, о чём они говорят, что едят, чему радуются. Всё узнай. Только не разговаривай с ними, поняла? Просто смотри и запоминай.

Барс медленно подняла голову.

- Ты хочешь, чтобы я шпионила?

- Я хочу, чтобы ты была полезной! - отрезала лиса. - Ты же всегда говоришь, что хочешь помогать. Вот и помогай. Иди.

Это были жестокие слова, и барс почувствовала, как у неё внутри что-то съёжилось. Но ещё она заметила то, чего лиса не хотела показывать: в глазах у той дрожали слёзы, которые она отчаянно загоняла обратно.

- Хорошо, - сказала барс. - Я пойду.

- Завтра с утра.

- Завтра.

- И не вздумай там с кем-нибудь заговорить.

- Не вздумая.

Барс вышла и тихо закрыла дверь. Постояла на крыльце, глядя на мёрзлый двор, и вдруг поняла, что не злится. Ей было просто жалко. И это было странно: жалеть ту, которая только что отдала приказ, как будто обругала.

Утром она вышла рано, до восхода. Ночью выпал свежий снег, и тропинки пропали, так что идти приходилось наугад. Барс шла по лесу, и каждый шаг утопал по колено. Она думала о том, что скажет, если её заметят. «Я прохожая». «Я просто смотрю». Всё звучало глупо.

На самом деле она шла не шпионить. Она шла посмотреть, почему лиса так страдает, и найти ответ. Потому что ответ, как ей казалось, лежал не в лисе и не в холоде, а в тех, кто жил за деревьями.

Сначала лес был пустым и тихим. Потом начали попадаться следы: маленькие, четырёхпалые, и чуть побольше, широкие. Потом тропинка, утоптанная и широкая. Потом гирлянды, развешанные между деревьями, потухшие днём. Потом запах корицы.

Запах корицы был такой тёплый, что барс остановилась и невольно втянула воздух. Она никогда не пробовала корицу. Но ей показалось, что именно так должно пахнуть счастье.

Она подошла к поляне со стороны леса и спряталась за толстым стволом. Поляна лежала перед ней, как на ладони. Большая ёлка, увешанная игрушками. Стол под навесом. Домики вдалеке. На крыльце одного из них сидел рыжий лисёнок и пил чай, глядя в небо.

Барс долго смотрела на него. Он казался таким спокойным, и в то же время таким настороженным: уши то поднимались, то прижимались. Он слушал что-то. Может быть, лес. Может быть, то, чего не слышал никто другой.

«Совсем как я», - подумала барс, и это было так неожиданно, что она отступила назад, наступила на сухую ветку и замерла.

Хруст разнёсся над поляной. Лисёнок повернул голову. Барс прижалась к стволу всем телом. Минута шла за минутой. Лисёнок смотрел прямо на ель, за которой она пряталась, потом медленно отвернулся и снова взял чашку. Но уши остались повёрнутыми в её сторону.

Он знал, что она здесь. Он знал, и не стал кричать.

«Он добрый, - поняла барс. - Или очень осторожный. Или и то и другое».

Она отступила в лес и пошла вдоль оврага, чтобы обойти поляну с другой стороны. Хотелось увидеть всё: как они ходят, как говорят, как смеются. В голове вертелся приказ лисы: «Просто смотри и запоминай». Но всё, что она запоминала, не было тем, ради чего лиса её послала. Не было тайн, не было слабостей. Была просто жизнь: тихая, тёплая и очень простая.

Барс шла по краю оврага, засмотревшись на домики, и не заметила, что снег под лапами лежит странно ровно. Слишком ровно. Это был не снег, а тонкий настил, натянутый над пустотой.

- Ой, - успела сказать она.

Земля ушла из-под лап.

Резкие слова иногда звучат так, потому что за ними прячется что-то, чего сказать не могут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.